

Обезьянинов в чине и бесчинство

«Чиновник, чиновник!
Встань к народу передом,
а к своим друзьям задом!»
Из народной молитвы

Павел Отставнов

Роман-былинушка народная

Книга 1. В Уралгороде

Книга 2. В ГроссДуме

Книга 3. В Мерики

Павел Отставнов

**Обезьянинов в чине и бесчинство.
Роман-былинушка народная**

«Автор»

2026

Отставнов П. Н.

Обезьянинов в чине и бесчинство. Роман-былинушка народная /
П. Н. Отставнов — «Автор», 2026

Дожил! 25 лет писал эти три книги-части. Огромный труд! И на фоне семи умираний моих... А когда писал третью часть, началось восьмое: диагноз смерть, спасение операцией; затем метастазы диагноз смерть, но пока спасают химиотерапевты... Но роман публикуют! Вершина писателя с шестидесятилетним стажем. Вершина современной российской литературы? Это вам, мои читатели, решать. Но такого романа-былинушки народной другого не будет. Меня, прочитав, уже называют "российским Гашеком", а Обезьянинова "Швейком". Лестно, потому что я высоко ценю писателя Ярослава Гашека! Читайте мою былинушку-энциклопедию российской и американской жизни, мои дорогие читатели. А, даст Бог и люди помогут, продлив мою земную жизнь, я закончу и четвертую книгу "Обезьянинов во Вселенной".

Содержание

Книга 1. В Уралгороде	5
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Павел Отставнов

Обезьянинов в чине и бесчинство.

Роман-былинушка народная

Книга 1. В Уралгороде

"Чиновный СПИД" (или винтикообразность) – Синдром Потери Индивидуальной Достаточности. Душевная болезнь нечеловеческой тяжести

"Чиновник, чиновник! Встань к народу передом, а к своим друзьям задом!" Из народной молитвы

"На каждого мудреца довольно простАты!"

"Власть принадлежит народу!" Верим. Но где же живёт этот счастливый народ?

"Сказка – ложь, да в ней намёк, добру молодцу – урок!"

Часть первая. "Чиновный СПИД"

*

Отреставрированный Дворец сверкал! Дворец Правительства одного из районов Уралгорода. Его блеск Иван Семенович Обезьянинов заметил еще за квартал. И эта красота затмила серые проплешины на стенах соседних жилых домов. Джип стал еще более величаво "проплывать" ямы и колдобины на дороге, а Иван Семенович вспоминал прошлое...

Заветы предков!

После окончания школы Ваня собирался поступать в институт. Но отец, Семен Иванович, привел его под портрет деда. Со стены квартиры на потомков дико взирал шельмец с огромными усами и в буденовке. Отец снял со стены шашку и торжественно произнес:

– Сынку! Пришло время для серьёзного разговора! Твой дед, Иван Семенович Поносов, был до революции никем. Гнул спину перед богатеями в родной деревне Погорельцы, а затем и в Уралгороде. Слава КПСС – наша Революция дала ему власть! Красный командир, он лихо гонял врагов на гражданской войне! Но коварная вражеская пуля лишила его всех мужских достоинств. Полуживого, отчаявшегося в жизни, привезли твоего деда в Москву. Профессор Преображенский взял от гориллы и приживил ему всё то, что у мужчины внизу. Но это не профессор-вредитель, сбежавший вскоре за границу, а Революция дала бывшему батраку мужскую силу и новый жизненный путь! Твой дед сменил фамилию и вернулся в Уралгород. Бешеный успех у женщин понёс его по служебной карьере! Умер Иван Семенович Обезьянинов на самой вершине Уралгорода – председателем горисполкома! Перед смертью он взял с меня клятву, которой я верен всю жизнь! И ты сейчас её дашь и не нарушишь до конца своих дней!

Взволнованный Ваня пробормотал за отцом слова клятвы:

– Перед лицом своих предков торжественно клянусь! Клянусь быть Чиновником, всегда верным Власти, и никогда не допускать и мысли об ошибках Руководства! И если я нарушу эту клятву, то пусть меня выгонят с позором из Государственной Системы!!!

Клятву он закрепил, поцеловав клинок...

Затем за праздничным столом отец пил водочку, но сыну не наливал:

– Мне выпить можно, я уже достиг вершины своей Карьеры. А тебе ещё надо расти, и водка будет мешать на этом твоём пути!

Ваня опять завёл разговор о том, что все его одноклассники поступают в институты...

Но отец резко оборвал:

– Обезьяниновым институты не нужны! Учёность только тело расслабляет, да дух очеловечивает! Всё, что надо для Карьеры, нам уже Революция дала!

Ваня переспросил:

– А что нам такое дала Революция?

Отец вместо ответа позвонил своей давней и близкой приятельнице:

– Ильинична? Узнала? Да, Сёмушка... Ну, не мельтеши: "Когда встретимся? Когда увидимся?" На хрена тебе старая обезьяна! Смена подросла! Слушай, родная, доверяю тебе сына: на службу устрой и прочему обучи... Сама знаешь, чему!

По проторённой колее...

На следующий день Ваня пришёл в райисполком в "Отдел регистрации рождений и смерти". Начальница отдела, Марья Ильинична Красноперова, была дама в цветущем возрасте Бабы Яги. Примерно так и выглядела, но тщательно скрывала это за модной причёской, заграничным костюмом и косметикой, как у гейши. Когда она увидела Ивана, то у неё даже усы затряслись! Марья немедленно вызвала служебную "Волгу" и увезла парня на свою дачу...

На следующее утро Марье Ильиничне было не до работы! В её кабинет постоянно заходили знакомые женщины, да и по телефону подруги не давали покоя. Всех интересовал один вопрос: "Каков молодой Обезьянинов?"

Ильинична прошла уже всё, но и у неё дрожал голос, когда она отвечала:

– Бабы, не поверите, концу края нет! Просто-таки, метр с кепкой!!!

Бабы, руководствуясь пословицей, поверили, но и проверили сами. И с тех пор пошёл Иван по служебному пути, поддерживаемый и подталкиваемый подружками...

Как известно, существуют следующие служебные пути: "По протекции"; "Мужской путь"; "Женский путь"; "По трупам" конкурентов. Поступив в Систему "По протекции", Иван продолжил службу "Мужским путём"! И он быстро вырос до начальника "Сектора рождаемости". Как говорила Ильинична:

– Ты у нас главный специалист в этом вопросе!

Она ценила своего преданного сотрудника: установила хорошую зарплату, подкидывала премии, постоянно брала с собой в "командировки"... Иван стал хорошо одеваться, купил "Жигули". Про него заговорили:

– Выглядит не меньше чем на начальника отдела!

Но вакансии не появлялась. Тогда Ваня "пошел по трупу"...

Марья Ильинична была не молода. Тяжёлая жизнь в постоянных юбилеях, торжественных собраниях, совещаниях, которые обычно заканчивались застольями, подкосили здоровье. Марья говорила всем:

– Я предана Системе и умру за рабочим столом!

Но умерла она на другом своём любимом "рабочем месте". В постели, "залюбленная" до смерти! Иван коварно "трудился" непрерывно субботу и воскресенье, и сердце начальницы

не выдержало. Когда врач "Скорой помощи" засвидетельствовал смерть, необычный убивец поехал домой. Всю дорогу он, ликуя, горланил:

– Дала дуба! Шаб-дуба-дуба!!!

По давней чиновничьей традиции Красноперову положили в "долгий ящик" и предали земле. Речей произносили много, клялись в вечной памяти... Но на поминках, после "третьей", забыли кого провожали и затянули:

– Знаете, каким он парнем был...

Других мнений не было, и Иван Семенович сразу заступил на освободившуюся должность. Ильинична, добром помянута, была хорошим учителем не только в постели. Она успела ввести "ученика" в обширный круг знакомых, раскрыла тонкости служебных интриг... А дальше его просвещали другие женщины. Говорят, что если обезьяна миллион раз ударит по клавиатуре компьютера, то напишет гениальное произведение. Миллион раз "ударил" и Обезьянинов, но не пальцем и не по клавиатуре! Вот за эти гениальные "генитальные произведения" благодарные женщины щедро делились с ним опытом жизни и помогали всем, чем могли!

Спокойная работа, приличная зарплата, забота многочисленных подруг превратили Ивана Семёновича в респектабельного советского господина. Он хорошо питался, жил в хорошей квартире, ездил на курорты... Но хотелось большего! И Иван Семёнович сумел поставить дело во вверенном ему отделе! Да так, что решение любого вопроса, превращалось в решение "вопроса жизни или смерти"! А сами понимаете, что при такой постановке вопроса человеку не жалко отдать деньги. Лишь бы все благополучно решилось! И к Ивану Семёновичу пошли Деньги! Он копил их, покупал золото, купил "Волгу"...

Но Ваня сам взятки не брал! Всё проходило через секретаря Нюру. И в один несчастливый день "обэхээсэс""застукала" секретаря при получении денег. Нюра любила своего начальника, и взяла всю вину на себя. Она пошла в тюрьму, а Обезьянинов про Нюрку сразу забыл! Чего про неё помнить, если жизнь прекрасна и удивительна! Да и с чего бы этой жизни плохой быть? Ну, менялись Руководители в стране. Ну, Строй, говорят, другой стал. А что чиновнику до этих внешних изменений? Чиновничья система-то не поменялась, вот и служи чиновник верой и правдой этой Системе! И тогда всё "пройдёт как дым", а ты выживешь!

Выжил во всех перестройках-реорганизациях наш Иван Семенович! Да не просто выжил! Теперь взятки ему платили не простые работяги, а "новые русские"! И были эти взятки не мятые рубли, а аккуратные пачки долларов! Их уже хватило и на джип, и на коттедж! Больше того, хватало и на семью...

Женщины сказали: "Надо!" И мужик ответил: "Есть!"

Семью заставили завести заботливые подруги много лет назад. Они относились к Ивану Семёновичу с материнской любовью! И давно уже договорились между собой и поделили его поровну. Все дни недели были распределены, и Иван точно знал, когда и с кем спит. Между собой подруги не спорили, но жёстко "отшивали" новеньких, которые со всех сторон бросались на уникального мужика! Иван с усмешкой смотрел, как его охраняли подружки. Особенно от молоденьких девушек! И тем больше он удивился, когда матроны заговорили о его женитьбе! Сначала ненавязчиво, но постепенно все настойчивее. Наконец, произошёл решительный разговор...

Однажды Иван, как всегда, приехал на дачу очередной партнёрши. Но, к его удивлению, там он увидел всех своих подруг, одетых в парадные костюмы. Старшая из них, Ираида Петровна, все высказала в безапелляционном тоне:

– Ванюша, ты знаешь, как мы тебя все любим!

– Любим! Больше своей жизни любим! – поддержали подружки, и у многих покатались слезы.

– Ты знаешь, – продолжила Ираида, – что мы тебе только добра желаем! И мы бы хотели, чтобы ты прожил беззаботно! Прожил, лелеемый только нами! Теми, кто любит тебя больше матери, умершей при твоём рождении! Но законы мужской природы строги. Настало время тебе иметь молодую женщину. Это требует твой организм, хотя сам ты пока этого не ощущаешь. Да и мы, как женщины, не вечны. Поэтому хотим сами передать тебя в руки тех, кого сочтём достойными быть твоими будущими заботливыми подругами. И, самое главное, женская солидарность требует, чтобы твои уникальные возможности продолжились в твоём будущем сыне. На счастье грядущим поколениям женщин!

Иван просто рот открыл от изумления! Это же надо, какой поворот! А он даже и не помышлял о каких-то изменениях в своей личной жизни. Ну, чего ещё большего желать? Все его семь подруг были уникальны: умны, добры к нему, приятны лицом и телом... Ну, постарели немного: кому за сорок, кому за пятьдесят, а Ираиде шестьдесят один... Что ж с того? Наедине с ним они молодели на десятилетия и такое вытворяли, что потом, после угара, его сомнения одолевали: "Может быть, эти фантастические позы и дикие ласки приснились мне?"

Ираида продолжила:

– Мы решили, что тебе пора завести семью! Больше того, мы сами выбрали тебе и жену! Такой чести оказалась достойна моя дочь Светлана!

Женщины включили свадебный марш и повели ошарашенного Ивана в гостинный зал. В зале все сверкало под полным освещением: длинный стол укрытый белоснежной скатертью и уставленный закусками и бутылками, подарочные пакеты и коробки! И, главное, за столом сидела в ослепительно белом платье невеста! Женщины усадили Ивана на стул рядом с ней. Девушка шепнула:

– Здравсте, я – Света!

– Очень приятно, а я – Ваня! – ответил "жених".

Долго им говорить не дали. Подруги Ивана подготовили целый сценарий, и "жениху" с "невестой" осталось только взирать на действие, которое разворачивали перед ними женщины.

Всё было как на обычной свадьбе: тосты; вручения подарков; песни; под крики "Горько!" молодых людей заставляли целоваться. И Иван с первого поцелуя почувал, что в жены ему выбрали достойную кандидатуру! Света была страстнее даже своей матери, неистовой и сумасшедшей в постели Ираиды! Ивану уже эта, как ему казалось вначале, "комедия" понравилась. Он вошёл в роль "жениха": целовался со всеми; на поздравления отвечал речами; весело танцевал. Светлана начала его волновать и он всё теснее прижимался к ней! Праздник разгорелся, но в самый его разгар вдруг встала Ираида:

– Ну, дорогие дети, пора в кроватку! Давайте выпьем за вашу счастливую первую ночь!

Иван недоуменно посмотрел на Свету, но та спокойно пригубила шампанское. Было очевидно, что она все заранее знала и была готова к этому!

Их повели в другой зал. Посреди него стояла огромная кровать. Кровать Обезьянинову была знакома: на ней он и Ираида часто "гоняли" друг друга, словно марафонцы. Но вокруг кровати, почему-то горели свечи в канделябрах и стояли семь кресел. Подруги Ивана сели в кресла, а Светлана стала раздеваться. И как только свадебное платье спало с неё, так Иван перестал видеть все, что было вокруг. Да, выбор его женщин был не случаен! Света была не просто красивая девушка, это был Инструмент! Драгоценный, уникальный Инструмент, на котором можно было доверить "играть" только великому Исполнителю-Мужчине!

Неведомое ранее вдохновение повело Ивана. Все его знания, умения, навыки, какие он хладнокровно применял при любовных битвах с подругами, не вспомнились! Ивана и Свету бросили друг к другу две природные силы, истоки всего естественного: Женское и Мужское Начала! И все для Ивана превратилось в какой-то непрерывный и сладкий взрыв! Взрыв чувств и ощущений острейший! До боли!

Сколько они терзали друг друга, не смогли бы вспомнить и сами. Но в какой-то момент Иван вдруг почувствовал, что в кровати они не одни. Женщины не выдержали и бросились в гущу событий! А дальше творилось какое-то безумие: все со всеми, и еще и сами с собой...

Утром Иван и Света проснулись одновременно. Они осторожно, стараясь не разбудить спящих женщин, спустились с кровати, и пошли в душ. А там опять неведомая сила бросила их друг на друга... Когда страсть отхлынула на время, они дали слово больше этого в ванной не делать. Все тело было в синяках и шишках! А могли и убить друг друга! Страсть!!!

...Когда, через месяц, справляли официальную свадьбу, Светлана была уже беременна. И всего за эти, последующие годы она родила трёх мальчиков. Подруги не оставляли семью. И хотя этих нянек было семь, пословица соврала! Все мальчишки росли не только с глазами, но и с тем огромным, ради чего и затеяли "няньки" всю эту историю. И шустры парнишки были, как обезьянки! Светлана же постепенно стала верховодить во всей этой странной компании. Подруги постарели, и многим из них Иван, как мужчина, был уже не нужен. Но три женщины, перешагнувшие пятидесятилетие, на праздники вымаливали разрешение у Светланы. И получали право порезвиться с Иваном Семеновичем. Но строго под надзором Светы.

А Ивану хватало и одной своей жены. И дело было не в том, что и он уже был не юношей. Просто Света была уникальной женщиной, способной захватить всего мужчину. Их отношения строились на любви. Но на любви от секса. Может быть когда-нибудь они, и доживут до любви, построенной на интересе к личности человека. Но пока их полностью поглощал секс! Они терзали друг друга: ночью; проснувшись утром; после обеда; встретившись вечером... Именно терзали, так как накал их страсти несколько не уменьшился с давней первой ночи!

По губернаторскому велению-хотению...

... Под эти воспоминания, доехал Иван Семенович до места службы. Поставив на служебную стоянку свой "полный проходимец", Обезьянинов огляделся. Стоянка, как всегда, была аккуратно заставлена "иномарками" чиновников. А вот площадь перед Дворцом была битком забита! Обычно, из-за угрозы терроризма, на площади не только машинам, но и людям запрещали останавливаться! А сегодня там расположились пресса, телекамеры, зеваки. Рядом с красной лентой, перегораживающей вход во Дворец, стояли школьники с плакатами: "Народ и Чиновники едины!"; "Чиновник – это звучит гордо!"; "Достойным слугам народа – достойные условия труда!"... Обезьянинов пробрался к группе Членов Правительств Области, Уралгорода и районов Уралгорода. Его радостно приветствовали и обнимали. Господи, сколько ж не виделись...

Три месяца назад с рабочим визитом в здание районного муниципалитета заехал новый Губернатор. Побродил с толпой сопровождающих по кабинетам, поморщился, повздыхал. А затем собрал всех в зале. Высокий начальник посочувствовал местным чиновникам: теснотища в кабинетах и коридорах; плохой воздух; мало оргтехники; и кругом просители как тараканы шустрят, работать мешают. Губернатор стукнул кулаком по трибуне и закричал:

– Так работать нельзя! Это что за названия? "Муни", мягко говоря, "ципы", мэрии разные! В мэриях Мэри сидят, а у нас просто Марии!

Глава муниципалитета схватился за сердце и начал валиться со стула. Но Губернатор далее спокойно поведал о своих планах реорганизации управления областью на всех уровнях:

– С этого дня все звенья управления будут называться "Правительствами" с соответствующим увеличением финансирования!

В зале раздалась такие бурные и нескончаемые аплодисменты, какие и Брежнев не слышал. Растроганный Губернатор перекричал здравицы:

– А мы и вашу конуру перестроим! Правительству Района – достойное помещение!

Тут началось совсем невообразимое! Губернатора подхватили на руки, долго качали, а затем унесли на банкет. Водочка и закусочка Губернатору, видимо, понравились. Он стал весело раздавать распоряжения строителям, и определять судьбу чиновников на время перестройки здания. Затем все заботливо, под белые рученьки, проводили высокого гостя до лимузина. А банкет разгорелся с такой силищей, что даже Иван Семенович увлёкся и хватанул водки...

... Обезьянинову снилось, что коллеги-чиновники качают его, ударяя об потолок и пол. От болезненных ударов Иван застонал. Тогда Глава муниципалитета закричал:

– Не нравится, как друзья убаюкивают? Так пусть летит к черту!

От страшного удара по лицу Иван пробил дверь, и влетел в какой-то кабинет. И с ужасом увидел, что за столом сидит не черт, а Губернатор! Высокий начальник закричал:

– В то время как мы строим вертикаль власти, ты посмел нарушить субординацию! Так посадить его на Вертикаль Власти!!!

Обезьянинова подхватили черти и потащили к вертикально стоящему предмету. Когда приблизились, то Иван с ужасом увидел огромный вздыбленный мужской орган. Черти сдёрнули с Семеновича брюки и завизжали:

– Сейчас Вертикаль Власти тебя на всю жизнь выпрямит!

И они стали опускать жертву на страшное орудие казни...

Обезьянинов задёргался, проснулся и обнаружил своё тело в домашней постели. Тело болело. Болело всё, во всех местах и разнообразно! Но особенно сильно болела голова! Она и простонала! На стон открылась дверь и вошла жена с подносом. Светлана ласково зачирикала:

– Проснулся, кормилец! Хлебни рассольчику, полегчает!

Страдалец с трудом сфокусировал взгляд на часах и вскричал:

– Ты, почему не разбудила? Проспал!!!

Иван рывком вскочил с кровати. Его забросало от стены к стене. Но на третьем броске, он остановился и закричал:

– Чего стоишь? Костюм неси!

Света не на шутку испугалась:

– Ваня, с тобой все в порядке? Сегодня же суббота!

Но муж не дал ей договорить:

– Губернатор приказал начать срочную перестройку! Без выходных!

– Батюшки! – вскричала жена и через мгновение прибежала с одеждой...

Вскоре она уже везла мужа на службу. Прикатили быстро, и Иван осторожно прокрался в здание через запасной вход. К счастью, всем было не до него. По коридорам бродили какие-то незнакомые люди в строительных касках. Они громко обсуждали состояние здания, и как его преобразить и перестроить. Двери всех кабинетов были раскрыты, а хозяева собирали свои личные вещи и опечатывали сейфы. Иван почти прокрался до своего кабинета, но его окликнул сосед.

О, это была плохая примета! В соседнем кабинете восседал Игорь Вениаминович Стальной, заместитель Главы муниципалитета по общим вопросам. Кличка у Стального была – Тиранозавр. Это потому, что карьеру свою он выстроил на "трупах"! Причем "съедал", мешавшего его росту по службе, так быстро и зверски, что только куски характеристики от человека оставались! Поэтому Тиранозавра все страшно боялись!

Вениаминович вышел в коридор, широко заулыбался и прокричал:

– Ну, братец Иванушка, отбабахал ты вчера "бенефис"!

Иван Семенович быстро затащил в свой кабинет Тиранозавра, и испуганно прошептал:

– Что было то?

– Ну, брат, первый раз я тебя таким видел! – так же громко возгласил сосед. – Нажрался ты как телетрупик! Да это еще не беда! С кем не бывает? А вот что ты мычал при этом? Вот это, брат... Это беда!!!

Иван побелел и прохрипел:

– Говори, не мучь! Руки, видишь, затряслись!

Стальной сел, не торопясь, закурил, и начал рассказывать:

– Вчера я тебя домой повез. Заметь, не бросил, знаю, что не пьешь, выручил. Но ты стал сразу, скотина, ко мне приставать! Лапал, называл именами всех своих любовниц! Извини, но пришлось тебя успокоить! Дал по рылу!

Иван потрогал опухшую щеку и сказал:

– Спасибо, родной! Это ерунда, а больше ничего не было?

– Ха, не было! – продолжил пугать Тиранозавр. – Сядь, а то упадёшь! Ко мне приставать ты перестал. Молодец, быстро все понял. Но, пока по городу ехали, ты в окно кричал: "Всех"отлюблю-переллюблю"! Ваня, знаем, можешь! Не зря тебя "Ванька-встанька" кличут! Но, на хрена при свидетелях! По одному бы всех жителей отлавливал и "любил" бы тихо, в своё удовольствие!

Иван прохрипел:

– Узнал меня кто-нибудь?

Вениаминович засмеялся:

– Да кто же тебя вчера мог узнать? Свинья-свиньей!

– Слава КПСС!!! – вымолвил Обезьянинов, и сел на стул, расслабился.

– Слава, то слава. Но зачем ты про нашего Славу то же самое кричал? Дескать, "любил" я Славу, "люблю" регулярно и "любить" буду всегда, причём в извращённом виде!!! – злобно свернув зубами, закончил казнь Тиранозавр.

– Это я про нашего Главу муниципалитета, про Вячеслава Максимовича? – выдохнул Иван и сполз со стула.

Игорь Вениаминович, печально кивнул-подтвердил и закончил:

– Но не бойся, я не проболтаюсь! Но уж ты помни это, особенно, когда я на Главу пойду! Всем чем сможешь, поможешь!

Иван провожал соседа до его кабинета и страстно шептал:

– Игорь! Всё, чем смогу и даже больше! Только и ты... Никому!!!

Не успел Обезьянинов вернуться в свой кабинет, как по селектору раздался голос Ниночки. Секретарь Вячеслава Максимовича промурлыкала:

– Дорогие чиновники! Глава муниципалитета приглашает Вас в зал заседаний!

Зал быстро заполнился радостно-возбужденными сотрудниками. Но смешки и весёлые реплики мгновенно стихли, когда в помещение зашёл сам Глава. Вячеслав Максимович жестом остановил аплодисменты, и заговорил по-деловому:

– Друзья! Наш уважаемый Губернатор поставил перед нами высокую цель! И наше здание, и уровень нашей работы должны соответствовать ответственной чести! Праву называться "Правительством Района"! И перестроить мы все должны за три месяца! Трудно будет? Да! Просто чертовски трудно будет! Но Губернатор верит в нас, и мы сделаем это!!!

Все вскочили со своих мест, захлопали, закричали. Но Глава продолжил:

– Я только что получил указания от Самого! Завтра один день будем учиться! Подготовимся теоретически, чтобы не ударить в грязь лицом перед заграницей. Затем разъедемся по развитым, в плане управления, странам. Предстоит не лёгкая, трехмесячная учёба, вдали от дома родного. Но мы выдержим, и через три месяца наше Правительство рванёт наш Район...

Вячеслав Максимович, подумал и продолжил:

– ...вырвет наш Район... пошлет... двинет... задвинет... А! Затолкнёт наш Район на новые высоты! Жители района с нетерпением ждут этого! Так и доложу Губернатору: "Никаких выходных, пока не будем соответствовать высокому званию!"

Учёба – это упорный и напряжённый труд!

На следующий день Иван прибыл на работу без опоздания. Но, с ужасом увидел, что учёба уже началась! Более хитрые сослуживцы, демонстрируя усердие, появились на службе раньше! Кто за час, кто за два, а некоторые, вообще не уходили со вчерашнего дня! Этим, последним, особо тяжело далась ударная учебная вахта. Глаза у них остекленели, а запах разносился по коридорам, как от питейного заведения.

Иван решил выбрать направление учёбы и пошёл по кабинетам. На одном было написано "Деловая игра: "Есть такая работа – Родиной рулить!!!" Иван заглянул. У всех, кто присутствовал в кабинете, в руках было по рулю. Старичок-преподаватель командовал:

– Повернули руль налево. Что там? Социализм, уравниловка, застой! Повернули руль вправо. Капитализм, расслоение общества, отстой! Вопрос: "Куда рулить?" Ответ: "А никуда!" Просто твердо держите руль власти и Россия сама "широкую, ясную, грудью проложит дорогу себе"! Как САМ... (старик показал пальцем вверх)... шутит: "Шаг вправо, шаг влево – расстрел!" Ха-ха! Не бледнеть, в обморок не падать! Встали, расслабились, запели: "Крепче за баранку держись шофер..."

Иван закрыл дверь и пошёл дальше.

В следующем кабинете проводился семинар "Чиновник – слуга народа, или государя?" Из-за двери гремел голос преподавателя:

– Главный вопрос семинара смыкается с вопросом: "Можно ли служить двум господам сразу?" Но вы легко ответите на оба вопроса, вспомнив, кто вам деньги платит!

«Ясное дело – не народ!» – подумал Иван и пошёл дальше.

Дальше располагалась приёмная Главы муниципалитета. Иван услышал, как Вячеслав Максимович кричал в телефон:

– Почему семинар к нам приехало проводить пол Смита? Мы заплатили за целого Смита!!!

Иван на цыпочках прокрался к следующему кабинету. Там семинар проводил целый Смит, но звали его Пол. Его особо внимательно слушали, так как говорил он по-английски, и никто ничего не понимал.

В это время подошёл Сергуня, младший референт "Отдела вопросов рождаемости и смерти".

– Иван Семёнович! – зашептал он. – Пойдемте быстрее, без Вас учебу не начинают.

Они забежали в кабинет, на котором висела надпись "Семинар "Родить ребёнка – священный долг и почётная обязанность гражданина!". Семинар пришёл проводить юный профессор сексологии, который для солидности отрастил бороду. Но она выглядела на нем, как приклеенная. Особенно, когда молодой учёный краснел при слове "рождаемость". На стене, выше профессора, алел лозунг "Рождаемость – это зеркало действительности!" Преподаватель солидно кашлянул и заговорил:

– Господ, не имеющих допуска к сверхсекретным документам, прошу покинуть аудиторию!

Когда в кабинете остались лишь подчинённые Обезьянинова, профессор тихо сказал:

– То, что я сейчас вам сообщу, имеет гриф абсолютной секретности!

Иван Семенович сурово оглядел своих. А учёный продолжил:

– Жизненное Соотношение населения упало до критической отметки. Надо срочно принимать меры!

Обезьянинов засмеялся:

– Здесь все свои, посему скажу правду-матку. На хрена нам рождаемость увеличивать? Народу и так много. Его же кормить надо!

Профессор повысил голос:

– Вопрос всемерного увеличения рождаемости – это для непосвящённых. А на самом деле речь идёт о Законе Жизненного Соотношения! Этот Закон определяет, что один мужик кормит двух чиновников! Количество населения не важно! Важно, чтобы на двух чиновников было не меньше чем по одному трудоспособному мужику! Но статистика тревожит! Количество чиновников резко возросло, а число работающих мужиков упало до опаснейшей черты!

Все чиновники, сидящие в кабинете, испуганно вскрикнули:

– А что же делать? Вымрем!!!

Учёный ответил:

– Успокойтесь, пока будете жить за счет "Золотого Запаса", но надо срочно увеличить рождаемость. Как это сделать, и советуется с вами Правительство Страны!

Сергуня, который недавно женился, не подумав, ляпнул:

– Да с деньгами молодожёнам надо помочь, и квартиру дать в кредит! А уж как родить они и сами сообразят!

Но все на него зашикали! Не годится для нашего менталитета такое простое решение! Обезьянинов поднялся на ноги и возгласил:

– Сами пойдем в народ! Никаких сил не пожалеем! И субботники, и воскресники... До полного решения вопроса!

Все присутствующие захлопали в ладоши. Преподаватель тоже похлопал, но добавил:

– Замечательно, но надо и у масс все, что можно, поднять на борьбу!

Воодушевлённые сотрудники засыпали предложениями так, что преподаватель едва успевал записывать:

Во-первых, раз концепция сменилась, то пусть с плакатов красавец-мужик обратится к девушкам: "Девушка! Не береги честь с молодую!"; "И хочется и колется, и Родина-мать велит!"

Во-вторых, к парням надо поднести плакаты с обнажёнными красотками и обращениями: "Не хочу учиться, а хочу жениться!"; "Бери замуж, и не говори, что не дюж!"; "Голую руками не возьмёшь!"; "Бойкие на язык не нужны!"

В-третьих, плакат для девушек и парней. На нем изобразить симпатичную, как ангелочек, маленькую девочку, и написать огромными буквами призыв: "Ангела воплоти!"

Последним предложением было заказать песни самым известным молодежным ансамблям и провести рок-фестиваль под вопросом-призывом: "Ты зародил Надежду?"

Эх, предложили бы ещё кучу вариантов, но по селектору пригласили на обед.

Прощание с Родиной

В зале заседаний убрали все стулья и поставили огромный стол. Над столом повесили плакат с надписью "Шведский стол. (С русским застольем!)". А на столе будили хватательные и жевательные рефлексy известные русские закуски: икра, севрюга, осетр, заливное мясо, поросенок, многоэтажные пироги-расстегаи, соленья и копченья... Там же терзали ум вопросом "Есть или не есть?" таинственные блюда иностранных кухонь. Японцы предоставили: сукияки, шабу-шабу, сашими... Французы: свиную ногу а-ля Сент-Менеуль, арденнскую ветчину, черных индеек, сыры... Итальянцы предложили: разнообразные холодные антипасты, равиоли, лазанью... Все кухни мира терялись на этом "шведском столе"!

А за столом шведским было разливанное русское "застолье": водка, вино, пиво!!! Чиновники, мигом навалив в тарелки закуску, толпились у "застолья", не смея приступить к главному. Наконец, подошёл Глава и строго сказал:

– Не просто пить, а развернуть дискуссию: "Водка – это зло, или панацея?"

Все мгновенно налили по стаканцу обсуждаемой жидкости, и выпили после тоста начальника:

– При встречах за рубежом не тушуйтесь! Помните, что национальность у всех наших в мире одна – "Чиновник"!

Выпил и Иван Семенович, так как привык за последнее время к водке. Далее развернулась дискуссия, и "зло или панацея" была бы, конечно, полностью уничтожена или употреблена в лечебных целях... Но всех пригласили в канцелярию.

Там царила веселая кутерьма! Секретарши выписывали чиновникам командировки в разные страны по их желанию. Кассиры выдавали отъезжающим: суточные, квартирные, дорожные, тропические, полярные, оздоровительные, лечебные, представительские... Иван, видимо, под воздействием стакана "панацеи", неожиданно выбрал Китай...

На следующий день Света провожала его в аэропорту и лила слезы. Ивану, было так тяжело на душе, что он купил огромную игрушку-слонёнка, и подарил жене. Чтоб не забывала! Светлана судорожно схватилась за гигантский хобот, и прошептала:

– Я тебя никогда не забуду!

Тяжесть проводов с любимой, усугубилась трудностью выбора самолёта. Тайская линия сманивала своим первым классом. Там предлагали французское шампанское и три вида кухни: европейскую, японскую и тайскую! А главное – индивидуальная красавица-стюардесса манила массажем. Но Иван мужественно выбрал отечественный первый класс и не пожалел. Блины с икрой сами по себе были превосходны! А под водочку? Э-э-э-э, братцы! Под водочку полет прошёл совсем быстро и приятно!!!

Береги семя, Семёныч!

В аэропорту Пекина Ивана встретили переводчица Хуэйцзе и чиновник по имени Чжан. Иван Семенович растолковал китайцам цель своего визита:

– Изучить методы управления рождаемостью!

Переводчица и чиновник радостно закивали и сопроводили гостя в гостиницу.

На следующее утро переводчица повезла Ивана куда-то далеко за город. В машине Хуэйцзе рассказала, что проблема рождаемости в Китае давно решена! Так как рожать им не надо, в принципе! Китайцев и так столько, что поставляют, в менее развитые в этом плане страны. Целыми колониями и землячествами! И как-то само собой удачно получилось, что задача ограничения рождаемости, поставленная партией, созвучна сути древнего учения "Дао любви".

– А что это за учение? – поинтересовался Иван.

– Если, коротко, то мужчина кое в чём воздерживается! – ответила девушка.

– Что, совсем не "того"? – недоумевал гость.

– Нет, вы, Ван, не поняли. Мужчина "того", даже очень и часто "того"! Но воздерживается!

– Ничего не понимаю!

Хуэйцзе покраснела:

– Мы сейчас едем к старцу Дай-фу. Этот великий учитель "Дао любви" сидит у озера Байлунчи. Он и объяснит всё!

На берегу горного озера стояла старая фанза. А в ней на циновке сидел древний старец с длинной бородой! Хуэйцзе долго кланялась, пока старик не заметил пришедших. Он открыл глаза и махнул рукой, приглашая сесть. Не успели гости усесться на циновки, как патриарх заговорил. Он бросал в воздух короткие фразы, а Хуэйцзе шёпотом переводила.

– Расслабьтесь и станьте естественными. Источники любви и секса неисчерпаемы, как сама Вселенная. И вам предстоит длинный путь, но и он начинается с первого шага. А первый шаг Вселенной начался с зарождения Ян (мужского начала) и Инь (женского начала). А затем всё стало строиться по законам единства и борьбы этих начал. Появились: огонь и вода; небо и земля; солнце и луна; вдыхание и выдыхание... Наконец, появились Мужчина и Женщина! Ян дало Мужчине "нефритовый стержень", а Инь дало Женщине "нефритовые ворота". В этом было отличие, но внутреннее их единство заставляет, с тех далёких дней, регулярно сливаться в одно целое. Сливаться в поисках гармонии Инь и Ян! Но, если Мужчина отдаёт своё семя, то он слабеет, и не успевает помочь Женщине достичь Гармонии. А если он беззаботно разбрасывает всё своё семя, то умрёт сам и погубит Женщину.

Старец тяжело вздохнул, посмотрел долгим взглядом на Ивана и закончил:

– Береги семя, чужестранец! А теперь идите на "нефритовый стержень". Я устал.

Из глубины покоев выскочили женщины, подхватили старика и с радостными визгами потащили в другую комнату.

В машине Иван спросил у Хуэйцзе:

– Куда они его потащили? Похоже, что в реанимацию! Но почему им так весело?

Переводчица всё объяснила:

– Великому Дай-фу сто лет! И ему приходится регулярно восстанавливать силы, занимаясь любовью с пятью служанками. Вот совершит свои тысячу любовных ударов, и завтра опять будет готов преподавать паломникам "Дао любви".

Удивленный и умилённый Иван ехал и думал: "Какой восхитительный народ! Какая сила и культура, какой очаровательный язык! У нас гаркнули бы: "Пошел ты на..." А тут одна поэзия!"

И вечером Иван не мог отойти от умиления. Он сидел со стаканом водочки у телевизора, переключал каналы и подпевал народным китайским песням:

– Цзян-цзян-хуа-лан!

Неожиданно передачу прервали, и вместо весёлых певцов показали, каких-то людей. Руки у них были связаны за спиной, а на шеях висели плакаты с надписями. Ни надписи, ни возбуждённый голос диктора не были понятны. Но в одном из печальных людей на экране Иван узнал, встречавшего его чиновника.

Это заинтересовало, и утром он спросил у переводчицы. Оказалось, что Чжана поймали вчера на получении взятки и приговорили к казни! Иван вспомнил обычную сцену передачи взятки у себя на родине: конверт, милые улыбки... Но затем в голову вдруг влетела такая картина: "Российская сторона передаёт запрос через Интерпол на срочную выдачу Обезьянинова. Но китайцы не соглашаются: "Чиновники – это одна нация, посему за получение взяток мы его казним сами!!!"

Семенович побелел, и, не говоря ни слова, бросился в свой номер. Запер надёжно дверь и стал лихорадочно звонить в наше посольство. Когда соединили, Иван закричал в трубку:

– Это Обезьянинов! Прошу срочно переправить в другую страну! Здесь совершенно чуждая нам концепция по вопросу рождаемости! Я бы даже сказал: "Контрацепция вопиющая!" Согласен лететь куда угодно, лишь бы там детей рожали!

Посольские попросили подождать пару дней, пока утрясут этот вопрос с Москвой.

Иван стал пить водку, чтобы залить страх. Звонил телефон, стучали в дверь, но он не отзывался. Через час всё вокруг поплыло, а страх смыло куда-то. И когда в очередной раз в дверь застучали, Иван открыл. На пороге стояли коридорный и Хуэйцзе. Девушка вскричала:

– Слава Нефритовому владыке, Ван – живой! Вы убежали так внезапно, и не отзывались на телефон, стуки в дверь! Мы уже думали, что случилась беда! Как же я испугалась за вас! Все трясётся!

Иван отпустил коридорного, а переводчицу стал успокаивать. Он налил ей "прозрачной":

– Все болезни от нервов, а средство от нервов одно – водка! Выпейте – полегчает!

Хуэйцзе отказалась:

– А у нас в Китае считают, что лучшее средство от нервов это занятие "Дао любви"!

Иван осторожно спросил:

– А за связь с иностранцем у вас не казнят?

– Нет, казнят только за получение взяток!

Услышав сочетание слов "взятки" и "казнь", Иван протрезвел и опять затрясся от страха.

Хуэйцзе не видела этого и мечтательно продолжала:

– А "Дао любви", наоборот, поощряется! Я, после одного раза с хорошим мужчиной, чувствую себя так, как будто прожила счастливый год!

Иван совсем ошалел от страха и уткнулся в девушку, пытаясь закрыться от ужаса...

Как дальше всё получилось, не расскажешь. Как это у вас начинается? Тоже не сможете сказать. Это чудо, когда незнакомые и чужие прежде люди, вдруг, не стесняясь, срывают одежду, и набрасываются друг на друга! Так и Иван с Хуэйцзе закружились в постели! И "прожили" они не один "год", а целых двенадцать! Да, весь малый цикл летоисчисления, который китайцы связывают с именами животных, смогли подарить Обезьянинов и переводчица друг другу.

Первый раз девушка любила его тихо и нежно, как мышка. Раззадоренный, на второй раз Иван заработал как вол! В последующие разы мужчина преображался в: тигра, зайца, дракона, барана, петуха! А Хуэйцзе перевоплощалась в: змею, обезьяну и собаку! Завершали цикл любовники двенадцатым заходом, как и положено по восточному календарю. Как свиньи! Страсть их возгорелась до такой степени, что, хрюкая и повизгивая, они уже совсем не разбирали: как, куда и чем доставляют друг другу наслаждение!

Наконец, они откинулись в разные стороны. И только через несколько минут Хуэйцзе смогла прохрипеть:

– О, мой Нефритовый владыка!

Затем она ласково пожурела:

– Не бережешь себя, Ван! Как ты щедро разбрасываешь семена жизни!

Иван ответил с чувством:

– Мне, для дружбы народов, ничего не жалко!

Тогда Хуэйцзе улыбнулась и прошептала:

– А у древних китайцев было принято исчислять годы шестидесятилетними циклами...

Когда через сутки Ивану позвонили из посольства, он только-только закончил цикл "летоисчисления" шестидесятым счастливым "годом"! Посол сказал:

– Принято решение отправить вас в Индию. Самолёт полетит через три часа. Поторопитесь!

Хуэйцзе повезла любимого в аэропорт. Он всё ещё боялся, что его схватят полицейские, и забился в угол, надев чёрные очки. А она всю дорогу терпела, покусывая губы. Но, в аэропорту, не выдержала, и расплакалась. Ивану Семеновичу так было тяжело расставаться с Хуэйцзе, что он тоже подарил ей на память большую игрушку-слонёнка.

На родине трактата "Кама сутра"

Весь полет Иван проспал, и в Дели проснулся свежим и готовым к глубокому изучению и самоотверженному овладению знаний древнего народа! О цели его визита сообщили заранее, поэтому его встречала переводчица, мастерица индийского любовного искусства.

Звали мастерицу Упадишты Скрышна, и была она женщиной несусветной красоты! Во лбу у неё горела точка, как звезда. А всё, что было ниже: плечи, стан, ноги представляли собой

совершенные и волнующие округлости. Обалдевший от такой красоты Иван, как в трансе, зашёл сбоку посмотреть на грудь. Зашел, увидел и... И прошептал:

– Вот, блин, чудо!!!

Да, такую женщину хотелось катать и перекатывать! Так она и ходила! И всё это добро перекатывалось, вращалось и кружило голову! Иван по пути в гостиницу глотал слюну и твердил про себя: "Сейчас, сейчас, сейчас... Вот только в номер придём, так сразу и приступим к практике!!!"

В гостинице же переводчица ласково, но твердо объяснила гостю:

– Практика, Иван Семёнович, конечно, будет. Но потом! Вначале необходимо теоретически освоить великий древнеиндийский трактат о любви – "Кама Сутра".

Огорченный Иван уточнил:

– А большой... этот самый... "Кама Сутра"?

Упадишты успокоила:

– Нет, надо всего лишь изучить шестьдесят четыре части, или, как их ещё называют, "ремесла".

Семёновичу сразу вспомнился вождь пролетариата. Ох, и мудёр был старик! Понимал, что на первом месте всегда практика! Выучи за вечер "три источника и три составные части", и иди, ночью, овладевай массами!!!

Но делать было нечего, пришлось начать учёбу. Переводчица со слезами на глазах поведала старинную легенду о любви правителя империи Великих Моголов Шах-Джахана к своей юной жене! Чувство было настолько великим, что после смерти любимой безутешный правитель построил ей мавзолей Тадж-Махал. Одно из современных чудес света!

– С тех пор, – продолжала Упадишты, – существует традиция! Наши женщины спрашивают своего избранника: "Любишь ли ты меня так, чтобы после моей смерти воздвигнуть мне подобный памятник?"

Скрышна вытерла слёзы и спросила:

– А чтобы бы вы, Иван, ответили своей возлюбленной?

Ваня почесал затылок и ответил:

– Ты только уж, милая, умри, а я тебя даже в Кремлёвскую стену вмурую!

Переводчица вздохнула и выложила на стол фотографии:

– Это тоже великая наша реликвия! Древний храм "Чёрная пагода".

Иван с удивлением рассматривал бесчисленные фото изысканной резьбы и скульптурных изображений страстных любовников, запечатлённых в разных удивительных позах. Насмотревшись до тошноты, он отбросил фотографии, и гордо сказал:

– Чиновники порнографию не смотрят!

Переводчица вздохнула еще глубже, но спокойно сказала:

– Что ж, теперь можно и к самому тексту приступить! Вначале прочитайте сами.

И она дала русский перевод трактата Ивану.

Он углубился в чтение, но через минуту вскричал:

– Ай, bravo! Ай, да индийцы! Молодцы! Правильно пишете: "Добродетельная женщина, должна почитать своего мужа так, словно бы он был божественным лицом"!!! Вот и всё учение! Почитай жена мужа своего, уж какой есть!

Упадишты спокойно уточнила:

– Эти слова справедливы! Но, муж должен обеспечивать все потребности жены: материальные, духовные и телесные! И он должен влюбить в себя женщину! А индийская женщина не сможет полюбить мужчину не искусного, не владеющего всеми "ремёслами""Кама Сутры"!

Теперь настало время тяжело вздохнуть Ивану, и учёба продолжилась.

Первую неделю читали и изучали по схемам: "Виды союзов в соответствии с силой страсти". Иван терпел.

На следующей неделе Упадишты читала лекции: "О видах любви". Иван стиснул зубы, но терпел.

Остаток первого месяца учёбы посветили изучению: "Видов поцелуев и объятий". Мастерца бесстрастно рассказывала: "Трепетный поцелуй, или Спхуритака, это..." А Семёновича уже начало трясти!

Второй месяц овладения любовной теории Иван уже помнил смутно! В голове совершенно перепутались отрывки лекций: "Оставление следов и царапанье"; "Виды и способы укусов и битья"...

Однажды, во время лекции, он услышал страстные стоны, и выглянул за окно. Рядом с их "комнатой пыток", молодые девушка и парень продолжали род человеческий! Мученик закричал:

– Вот, видите? И никакой теории не надо!!!

Скрышна усадила Ивана, вытерла слюну с его подбородка, и ласково сказала:

– У наших людей "Кама Сутра" в крови с рождения – гены передали!

Гость заплакал:

– До меня Гены приезжали? Определили, кобели! И я бы мог все всем передать!!!

На третьем месяце учёбы Упадишты рассказывала: "О видах конгрессов"; и "О способах начала конгресса". А Иван, уставившись в одну точку, качался на стуле, и пел мантру, составленную из пройденного материала:

– Латевештика, Брикшадирудхака -Тила-Тандулака, Кширанирака...

Наконец, к концу срока обучения, преподаватель сказала:

– Ну, а теперь переходим к основному разделу: "О позициях и положениях в процессе конгресса. О движениях, ударах, и ласках мужчины и женщины".

Она спокойно начала читать лекцию. Но Иван, увидев схемы соединений любовников, не выдержал, и набросился на Скрышну...

Трое суток из номера никто не выходил, а раздавались лишь крики мужчины и женщины. Иван кричал:

– Я, те, покажу "шестьдесят четыре ремесла"! Я, те, покажу "Спхуритака"! А вот тебе "движения мужчины"...

И ещё много чего кричал он из изученного теоретического материала! А Упадишты кричала одно, и по-русски:

– Маманя-а-а-а!

Но все хорошее когда-нибудь заканчивается. Закончились и упоительные дни практических занятий! В аэропорту Упадишты плакала. Ивану пришлось и ей подарить слонёнка. У любимой сразу высохли слезы и она с интересом, как профессионал, стала рассматривать хобот...

Родина встречает своих героев!

Самолёт родной авиалинии быстро доставил нашего героя в Уралгород. Света чуть не задушила мужа в объятиях, и сразу потащила в машину.

– Тебе предписано: "Сегодня присутствовать на открытии Дворца Правительства Района!" – горячо говорила она, давя на "газ". – А я, сил нет, как измучилась! Нам как-то надо с тобой успеть полюбиться!!!

– Конгресс устроить, – машинально пробормотал Иван, и закричал. – Рули на обочину!

Не успела машина остановиться, как они уже терзали друг друга! Их любовь выдержала нечеловеческие испытания и вылилась в нечеловеческую страсть! Эх, было бы время, так они бы несколько рекордов поставили: по продолжительности; по изощренности; по накалу... Но

времени не было! И вскоре уже Иван Семенович ехал на работу. Собственно, с этого мы и начали наше повествование...

Итак, Обезьянинов прибыл к Дворцу. Он сам удивился, что за три месяца смог так соскучиться по коллегам! Да и все были рады-радешеньки: загорелые, отдохнувшие чиновники с жаром обнимались и целовались! Особенно старался Игорь Вениаминович Стальной. Он обходил всех, долго тряс руку, говорил нужные слова, а затем целовал в засос. Ивана Семеновича, при виде Тиранозавра, опять затрясло от страха! Но не избежал бы Обезьянинов "стальных" объятий и "иудиного" поцелуя, если бы не приехал руководитель области.

Под аплодисменты, Губернатор сдёрнул покрывало, и явил миру монументальную надпись из двухметровых букв "Всё для народа!" Затем высокий начальник разрезал ленточку, и Члены Правительств чинно прошли во Дворец. А когда за ними хлынула толпа просителей, раздался электронный голос:

– Нет доступа!

Парадные двери автоматически захлопнулись, оставив народ на улице!

По помещениям всех провёл Глава Правительства Района. Вячеслав Максимович расшаркивался перед Губернатором:

– Обратите внимание, что нет никаких излишеств: лепнины; хрустальных люстр; позолоты; саун и бассейнов... Только скромный европейский уровень!

Скромный уровень предполагал весьма и весьма многое: экологически чистую отделку и удобную мебель; кондиционеры; оргтехнику на каждом шагу... "Европу" дополнили родными загорающимися надписями: "Не входи! Работают ЛЮДИ!"; "Ты! Прежде чем просить, ПОДУМАЙ! Отвлекаешь ЧЕЛОВЕКА, ты!!!"...

Губернатор кивал головой:

– Что ж, неплохо, неплохо! Но не забыли ли мы о народе нашем?

– Да как же это возможно! – вскричал Вячеслав Максимович.

Взволнованный, он повёл всех к бывшему запасному входу. Провёл мимо поста охраны и турникета на улицу. Бывший хоздвор огородили забором-решёткой, закрыли крышей из шифера и поставили скамейки, как в зале ожидания вокзала. Руководитель района объяснил:

– Например, пришла старушка попросить помочь с дровами. Зарегистрировали её в сентябре, и сиди, уважаемая, до апреля, пока не вызовут! Чисто, культурно, и на скамеечке. Правда, по ночам попросят освободить зал, но это тоже в интересах посетителей. Уборку же надо делать и дезинфекцию.

Вячеслав Максимович посмотрел на Губернатора. Тот молчал. Молчали и все, но уже испуганно. Наконец, высокий гость сказал:

– На комплементы нет времени, дай я тебя просто расцелую!

Два начальника страстно обнялись, расцеловались. Затем Губернатор решительно направился к парадному выходу, и на ходу давал последние наставления:

– Друзья мои, времени на раскачку нет! Работать, работать, работать! Сегодня. А с завтрашнего дня сходите в положенный отпуск. Но, вернувшись, сразу: работать, работать, работать!!!

Работать, работать, работать!!!

Губернатор уехал, и все чиновники разбежались по кабинетам. На столах у каждого лежал электронный "Словарь-переводчик Чиновника". Этот неживой друг слуги народа практически полностью освобождал его от контакта с просителями. Например, говорит старичок: "Слышь, любезный господин, пенсию мне чегой-то задерживают". А переводчик электронным голосом ответит ему: "А тебе назначено? Жди решение вопроса в установленном порядке!".

Обезьянинов немного поиграл с компьютерным помощником, и созвал всех подчинённых к себе в кабинет. Когда все собрались, он оглядел стены. Увы, графики рождаемости не радовали. "Эх, – подумал он. – Народ!!! И что только мы для тебя не придумывали! Даже акцию: "Как родить миллионера?"! А тебе всё, как о стенку... яйца!"

Но подчиненным Иван сказал бодро:

– Работать, работать, работать!!!

Отправьте "молнию" в Москву:

– Предлагаем раздать всем курсантам и солдатам по детской кроватке, поставить боевую задачу и отправить на сутки в отпуск!

Секретарь мигом убежала отправлять депешу, но так же быстро прибежала обратно. Иван прочитал телеграмму из Правительства Страны, и сказал коллегам:

– Концепция сменилась! В Москве подсчитали, что пока народ рождается, и пока начнёт работать – чиновники вымрут! Предлагается безотлагательно изыскать деньги!

Все сотрудники испугались за свою судьбу, поэтому моментально стали думать, обсуждать и предлагать:

Во-первых, возродить налог на бездетность! Причём, пусть платят, пока троих не родят!!!

Во-вторых, ввести налог на овладение, владение и использование сексуального партнёра!

Сотрудница отдела, мать-одиночка, прокричала о наболевшем:

– А, сволочи, которые могут, но не хотят, пусть платят за ношение и хранение сексуального оружия!

– Молодцы! – подбадривал сотрудников Иван Семенович. – Но мало. Ещё думайте!

Сергуня расхрабрился и выпалил:

– Предлагаю налог на оргазм! Этот эмоциональный импульс пеленговать антеннами и счёт выставлять каждой паре!!!

Но женщины отдела возразили:

– Молод ты ещё! А с нашими стариками, какой оргазм? Сами с трудом "пеленгуем", а антенна тем более!

– Тогда рядом с каждой кроватью датчик поставить! – не успокаивался Сергуня.

– Не выгодно, – вмешался Обезьянинов. – У нас по статистике один оргазм в день на 100000 женщин!

Подумав, решили ввести налог за потенциальный оргазм.

Затем всех пригласили на "Круглый стол", для обсуждения итогов изучения зарубежного опыта. И как Иван добрался домой, он уже помнил смутно...

Проснулся он у себя в постели, и опять с большой головой. Но, вспомнив, что начался отпуск, Семенович вскочил весёлый. И весь день прошёл в радостных хлопотах и сборах для поездки на курорт. Но на следующий день начались неожиданные события...

Коварный удар ниже пояса!

Среди чиновников Уралгорода стала с невероятной скоростью распространяться неизвестная болезнь! Что-то вроде СПИДа! Человек покрывался бурой сыпью, поднималась температура, речь становилась несвязной – один мат! А затем больного начинало сгибать и скручивать!

По телевизору, каждые полчаса, передавали сводки количества заболевших. К середине дня больше половины чиновников Уралгорода были подкошены коварной и таинственной болезнью! Губернатор в прямом телеэфире ввёл в городе осадное положение! Он призвал всех чиновников добровольно явиться в выделенный для карантина загородный пансионат. Тут то Иван испугался не на шутку! "Господи! – молился он. – Что же делать? Подскажи, какими стать? Будем любыми, лишь бы выжить!!!"

К вечеру вести об этих страшных событиях дошли и до Москвы. Даже в Государственной Думе стали обсуждать, что делать с эпидемией. Аты-баты, шли там спокойные дебаты. Но затем самый грозный депутат закричал:

– Долгая Госдума – лишняя скорбь! Надо воспользоваться ситуацией! Однозначно! Требую собрать чиновников со всей России в Уралгороде! А затем затопить их, подонков, повернув северные реки!

Тут-то Обезьянинов понял, что надо бежать!

В деревне деда.

Ранним утром Иван Семенович облачился в старый костюм, ватник, сапоги и надвинул на глаза вязаную шапку. Жена вывезла его в багажнике до шоссе.

– Беги, Ваня! – выплакала слова Света, и уехала.

Иван на попутке поехал в родную деревню деда, Погорельцы. Высадили его на развилке, и пять километров до деревни Иван прошёл пешком. На грунтовке явственно были видны следы от трактора. В виде синусоиды. И амплитуда синусоиды становилась всё больше и больше. Иван загадал: "Если доедет тракторист, то и у меня все благополучно завершится". Не доехал! В ста метрах от деревни в канаве лежал, заржавевший уже трактор. Иван плюнул с огорчения, но пошёл дальше. Он постарался пробраться в дедовский дом незаметно, со стороны огорода. И получилось бы, но дом простоял без присмотра уже много-много лет. Обветшал, прохудился, всё заржавело. И, когда Иван стал открывать дверь, раздался стон на всю деревню.

Не прошла и минута как к "инкогнито" пришли. В дверь решительно постучал, а затем и вошёл в избу здоровенный мужик. Его широченное лицо, со щеками, где играла "кровь с молоком", было создано для улыбки. Мужик, улыбаясь, протянул руку и представился:

– Семён. А вы не из Обезьяниновых будете?

Иван сознался. Семён продолжил:

– Это я сразу признал! Видно породу! Вашего деда несколько раз видел, когда он сюда приезжал. Авторитетный был!!!

Семён тоже был в деревне авторитетом! Все мужички поспивались, а он пить, почти не успевал. Так как не давали бабы, так как постоянно "давали"! Мужика, просто-напросто, стакан ко рту некогда было поднять! Жалел он сердешных, а уж они его любили, холили и даже работать не давали!

Семён достал бутылку, куски хлеба, сала, лука:

– Предлагаю за знакомство по наркомовской норме, для здоровья, принять!

Иван постеснялся отказаться и хватанул полстакана. Ух, ты! У него аж дух захватило! Самогонку, сварганил явно какой-то "суроГад"!

Вот так и встретились эти два богатыря! Тут для полноты былины и третьего богатыря найти бы. Но, увы, Алешу Поповича (с ударением на первом слоге), по кличке АпоГей, выгнали из деревни мужики, с напутствием:

– Иди в город! Виляй там ж... желаем счастья в личной жизни!!!

Пока Иван закусывал и очухивался от ядрёного пойла, Семён рассказал, как жили последние годы...

Когда перестали поступать команды от коммунистов, все растерялись. Больше того, почувствовали себя сиротами! От отчаяния, что никому в России не нужны, построили статую Свободы из того, что было под рукой. Из навоза! Стояли у статуи и махали американскому спутнику.

– Уж, мы махали, махали в объективы спутника! – с чувством говорил Семён. – Кричали: "Друзья, возьмите нас своим штатом! Свободы хотим!!!" Но никто: ни из Америки, ни даже

из района так и не появился! Мужики наши и так не просыхали, а тут с горя, вообще, на круглосуточный режим вливаний перешли!

Во время рассказа открылась дверь, и вошёл мужик в чистой рабочей одежде. Он грустно посмотрел на бутылку и робко пробормотал:

– Может, поработаете?

Семён спросил:

– А аванс дашь?

– Кому аванс, а кому: "А вам-с, хрен-с!!!" – в сердцах выпалил мужик. – Пропьёте! Сначала, работа, а потом оплата!

– Тогда и тебе хрен-с!!! – с негодованием вскричал Семён.

Мужик плюнул, и ушёл, хлопнув дверью. Иван спросил:

– А кто это был?

Семён ответил:

– Понимаешь, когда колхозное имущество поделили, так все его, как люди, сразу пропили! А этот объединился с ещё двумя отщепенцами и трактор и землю не пропили! Фермеры или колхозники, хрен их поймёт, но работают и нас сманивают горбатиться. Но, врётся, не царское время, а свобода! Хочу – работаю, а хочу – гуляю!

Захмелевшие души потребовали простора и два, с этого момента, друга пошли по деревне. Презентацию проводил Семен:

– Вот в этой избе живёт Дед Трясун. У него от перепива рука давно болтаться стала, но мы этой болезни нашли применение!

Иван с Семёном зашли в эту избу. Там у окна сидел старичок и тряс перед собой рукой. Семён влил ему стакан самогона в рот, а под руку подставил балалайку. Трясун виртуозно стал гнать весёлую мелодию!

– Вот так сутками играет! – восхищенно сообщил Семён Ивану, и они пошли дальше.

Весело, под музыку, друзья подошли к следующей избе.

– А здесь мой кум Горыныч живёт! – "презентировал" Семен. – Уникальный человек! Настолько проспиртовался, что выдыхает исключительно пары спирта!

Вошли. В избе за столом восседал глыба-человечище! Он засопел и посмотрел мутными глазами на вошедших. Семен налил ему самогона. Горыныч "рванул" стакан и прорычал с придыханием:

– Ну, Сёмка, ты не просто кум, а униКум!

После этих слов Горыныч поперхнулся, а затем изо рта у него пополз огонь. Только-только успели друзья выскочить из избы, как окно распахнулось, и оттуда полилась непрерывная струя огня.

Но подданных мужиков это не испугало, а только рассмешило. И смеясь, Семен и Иван вошли в следующую избу. Пол и стенки всех комнат там были заставлены бутылками, банками, мешками. А за столом суетились два одинаковых мужичка в очках. Один что-то растирал в ступе, а второй сливал в одну посуду и перемешивал содержимое из разных бутылок. Семен с уважением представил мужичков:

– А это гордость деревни! Братья Алхимики! Выдающиеся анализаторы-экспериментаторы!

– Ребята, – с надеждой, продолжил он. – Может, самогончику... немного!

Братья с негодованием отвернулись, а Семён прошептал Ивану:

– Действительно, спиртное ни-ни! Вкусовые рецепторы берегут! Понимаешь, они изобретают новые составы "дури", причём из того, что есть под рукой! Удобрения, грибы ядовитые, фотореактивы, яд тараканий и крысиный... Да и хрен его знает, что они ещё то смешивают!

– Ребята! – обратился Семён к братьям. – Может, расскажите, что в последнее время изобрели, и на себе испытали?

Мужички подобрили, стали рассказывать и показывать:

– Вот это смесь номер "тысяча один"! Примешь чайную ложку и к-а-а-ак... "черезбух-рыстнет"! А вот это смесь номер "тысяча два". Более продвинутая формула! Примешь таблетку и... "потребухно-перезвездно-забубухнет"! А вот это! Это!!! Пять лет работы! Чего только мы в эту смесь не совали. Всё, что нашли из ядов, в деревне и городе... А результата не было! И вдруг во сне пришло решение. Навоза добавили для "слипкости" и консенсуса! И результат превзошёл самые смелые ожидания! Вот, что я сам в "Инструкции по употреблению" записал, после опробования: "Первозвездонет-бах-перебах-перебабах-звездец-перезвездец-перезвиздец-бляхи-бляхи-бляхи-тьма-тьмища-у-у-у-тьмищи-щи-ща-а-а-а!!!" Чудо состав! Эксклюзив! У нас и так, "дуремары" из города, все составы с руками отрывают и продают под лозунгом: "Поддержим отечественного производителя!" А как про этот узнали, так аж задрожали от нетерпения. Вот-вот должны прикатить за ним с мешком денег!

Братья с вожделием смотрели на банку со своим последним открытием. А потом закричали:

– Да, что мы, рабы, что ли?!

И жахнули, за раз, всю дозу!!! Рожи у братьев сначала перекосило, затем перекочевряжило в морды. А в конце, о ужас, морды стало страшно бубонить! Семён закричал:

– Бежим, Ваня!

Друзья выскочили из избы, перемахнули через соседский забор, и стали наблюдать за дальнейшими событиями.

В этот момент, как на грех, приехали на джипе "дуремары". Барыги, русский и цыган, открыли двери, но не решались шагнуть в грязь. Это их и спасло! Когда выскочили "забубоненные" братья с топорами, "джипердилы" всё поняли мгновенно! Они даже не закрыли двери, и погнались на машине от дома. А Алхимиковы гнались за ними, совершенно не отставая от мощной машины, и грозно ревели... Семён сказал:

– Пойдем-ка, на время, в лес сходим. Пока "анализаторы" не очухаются!

Мужики углубились в лес, и вскоре открылась поляна с одиноко стоящим домиком. Рядом с ним стояла старуха. Семен закричал весело:

– Старушка, старушка! Стань к нам передом, а к лесу задом!

Старуха закричала:

– Я, те, счас, охальник, встану!!! Ой, Сёма, совсем старуху забыл!

Иван с интересом посмотрел на Семёна. Тот вздохнул:

– Да, было! Было, по пьяни! Но один раз!

Старушка засуетилась перед гостями, и вскоре они сидели за столом. Выпивали-закусывали. Семён предложил первый тост за хозяйку:

– Ниловна у нас первейший специалист по травам! "Приворот-трава", "Отворот-поворот-трава", "Вот, новый поворот-трава", "Встань-трава", "Овладей-трава"... Каких только трав она не продаёт в городе! Ты только, Иван, "Опади-траву" не бери! А всё остальное здоровье поднимет!

Захмелевшая старушка расхвасталась:

– А я уже и современные травы стала продавать: "Бизнесплан-трава", "Крыша-трава", "Годовой отчет-трава", "Налоговая проверка-трава"... С руками отхватывают!

Но со старухой мужикам было не весело и они, прихватив для опохмелки "Проснись и пой-траву", отправились искать приключений. Пьяненький Иван, у которого "зашевелилось", спросил:

– Семён, а женщины где?

– Женщины, как и положено, работают! – ответил Семён. – Пошли, проведем.

Семён привел Ивана на ферму "Божья коровка". Доярки, увидев Семёна, побросали дойку и кинулись целовать мужика. Даже коровы радостно замычали и тоже потянулись к нему. Иван неопределённо хмыкнул. У Семёна перекосило лицо:

– С коровами не было! Врут всё бабы! А бурёнок я сахаром прикормил, вот и любят!

Иван уже удивлённо посмотрел на Семёна и тот "сломался":

– Ну, было! Было, разок! По пьяни! Но коровы ж, как все бабы, подумали, что это любовь! Теперь мычат и носятся за мной по всей деревне! А быка своего совсем не подпускают! Опустили быка то! Он уже пару раз топился! Да, мужики спасали-откачивали! Сочувствие у нас к нему мужское! Я ему столько раз говорил: "Не убивайся ты так! Все бабы развратницы!" А он не слушает, голубая душа, с горя ко мне "клеиться" начал! Но у меня с извращениями строго!

Пока Семён оправдывался, доярки мигом накидали на стол нехитрой закуски. И пошло-поехало... Сначала пили и веселились на ферме. А потом, вдруг, очутились в бане. А уж там то такой "шурум-бурум" пошёл, что "туши свет"...

У Ивана от питья суррогатов произошёл сдвиг в голове. Он мог совершать только простые и естественные, для него, действия. Поэтому они, как "забурились" с Семеном в баню с доярками, так уж выйти не смогли. Не выпускали дела и заботы милосердные.

Дело в том, что слух прошёл: "Распутин ожил! Святой Григорий в бане принимает, от всех болезней лечит!" И потянулись бабы, со всех окрестных деревень...

В предбаннике больных женщин встречал Семён. Он принимал подношенья и ставил диагноз:

– Что болит? Нервы? Тогда пишу: "Применить "Дао любви"! Бумагу отдашь отшельнику! Заходи в парилку! Следующая! Что, говоришь, суставы ломит? Пишу рецепт: "Принять во внутрь пять сеансов "Кама сутры"! И ты заходи, дохтор тама.

Процесс шел безостановочно, как конвейер у Форда! Но, иногда, дверь парилки открывалась, выглядывал "взмыленный" Иван и хрипел:

– Семён, помоги, сложный случай!!!

"Ассистент" вывешивал на дверях плакат с надписью "Обождите. Идёт консилиум! Прием возобновится через час". И бросался помогать товарищу...

Но, как бы ни было трудно, знахари помогали всем! Распаренные женщины выходили из бани, и без сил опадали прямо на землю. Так и сидели на солнышке, мечтательно закатив глаза. Какая-нибудь недоверчивая посетительница спрашивала у них:

– Бабы, а там, правда, лечат? Небось, приставал Григорий то!

"Вылеченная" махала на неё руками:

– Да что ты говоришь, окаянная! Святость одна! Я через него нирвану увидела!

– Врёшь! Как же ты её увидела, еж ли ближайшая ванна за тридцать верст, в городе? Не на антенну же тридцатиметровую он тебя насадил?

– Ой, да ты сходи к нему в баню то сама! Он тебе не только "нирвану" покажет, а и "нефритовое полено"! Из Китая привёз, подарок ихнего народа для лечения советских сестёр!

Долго ли, коротко ли, пользовал Иван деревенских больных, но в один из дней к "больнице" подъехал джип. Светлана зашла в баню, и сразу оттуда вылетели три голых бабы! Света выскочила за ними с поленом, и убила бы, если бы догнала. Но не догнала, и вернулась в баню. В предбаннике спал Семён, а в парилке на полке сидел Иван и пел мантру. Женщина с любовью и жалостью посмотрела на обросшего и явно ненормального мужа. Сказала:

– Ваня! Так это ж я – твоя Света!

– А мне, что Света, что без света. Все одно. Раздевайся! – ответил Иван.

Что муж с женой там делали полдня, не ведомо. Но вышли они уже вместе, обнявшись! Иван был вымыт, выбрит и одет во все чистое. С Семёном они простились тепло. Иван приглашал его в город, но Семён отказался:

– Приезжай сюда ты, а я уехать не могу. Как я баб то оставлю? Изведутся! А если не справлюсь, тебе сигнал сразу подам!

Возвращение и прощение!

Пока ехали до города, Светлана рассказала, что произошло после бегства Ивана. Оказалось, что таинственную сыпь подхватил Игорь Вениаминович Стальной, общаясь по культурному обмену с проституткой в Таиланде. Врачи, прибывшие из Москвы, это за два дня поняли, и быстро вылечили чиновников. Все, кто не убежал, получили по ордену, а Обезьянинова хотят сократить "за предательство интересов Системы"!

– Ольга Аркадьевна записала тебя на прием к Губернатору. Прямо сейчас и поедem! – закончила Светлана рассказ.

Ольга Аркадьевна, одна из старых подруг Обезьянинова, служила заместителем Губернатора по социальным вопросам. Она сама встретила любовника, подвела к заветной двери, перекрестила и втокнула в кабинет. На аудиенции Иван долго молил о прощении, целовал руку... Наконец, Губернатор сдался:

– Ладно, прощаю! Но уж, любезный, прости, орден никак не могу дать, а вот медаль, изволь, прямо сейчас и повешу. За верность лично мне!

* * *

Слава КПСС, обошлось!!! И благословили Ивана Семеновича Обезьянинова служить дальше на вверенном ему посту. И я знаю, что дорастёт он до "степеней известных", если здоровье не подведёт. Быть ему, в лучшем случае, первым замом Губернатора. А почему не Губернатором? А потому что им будет Тиранозавр!!!

Часть вторая. "Падение твердыни"

Секс... Нет, надо так закричать:

– Секс!!!

Те, кто понимают, согласятся со мной! Секс – это...это... Это воздух! Да, это то, что не замечаешь, из-за обыденности, но жить без этого не можешь! И хорошо, когда всё хорошо, и ты со скрытой гордостью отвечаешь:

– Я рядовой, но активный "воин", регулярно принимающий участие в "боевых действиях"!

Да, хорошо, если секс! А если уже "экс"? Если страсть к законной супруге "вот она была, и нету"? Тогда мужчина философствует:

– Зачем мне, мужику-производителю, "заточенному" под завод, секс? Ну, ответь, жена: "Зачем человеку, рождённому, воспитанному и обученному для производства деталей, это пустое растрачивание сил?" Да, конечно, детей надо рожать. Но для этого и существует отпуск законный. Тогда мы и продолжим свой род без ущерба для эффективности труда!

Мудрое философское обоснование! Поэтому, если утром муж споёт вопрос:"Кудрявая, что ж ты не рада?", вы, боевые подруги, не пойте, искажая Высоцкого:

"Если друг оказался вдруг и не друг, и не враг, а – так, если сразу не разберёшь, плох он или хорош. Парня в горы..."

Не посылайте его... в горы! Пошлите на завод! Там его место и предназначение! А "рады" будете в отпуске. Тогда то горячий российский парень накрутит вам кудри на "бигудю"! И, возможно, мало не будет!

Ушел на завод парень? Ушел. А теперь, родные, я вам всю правду расскажу:

– На завод он устремлён не ради выполнения плана! Подружка у него в цехе завелась!!!

Что? Всё знаете? Что, наплевать? Ах, у вас другой "интерес с бигудем" завелся! Ну, тогда разбирайтесь сами, а я продолжу свой рассказ...

Катастрофа!

Где же ты, Обезьянинов? Где ты, наша "величайшая русская машина для любви"?

А Обезьянинов, после встречи с Губернатором, "отдыхал по хозяйству", догуливая законный отпуск. У него вдруг появились тысячи дел! Первый день Света умилялась, глядя как он пилит, красит, прибывает, копает... Но на второй день она начала вертеться около мужа. А на третий не выдержала, затащила в сарай и "сняла решительно" всё, что мешало из одежды... "Но он не попросил"! Света прошептала:

– Ваня, что с тобой? Сосредоточься!

Но Ваня опять начал пилить, напевая бодрящую песню:

– Руки рабочих! Вы даёте движенье планете! Руки рабочих! Я о вас эту песню пою...

– Иван! Не о том поёшь! – воскликнула жена. – Женщине "дают движение" другой частью тела!!!

Тут то и до мужа дошло, что ситуация странная. Стоит перед ним обнажённая и красивая женщина, более того, любимая, а у него никакого движения, кроме душевного!

– А может быть так и надо? – стал в слух философствовать Иван. – Может время пришло забыть о личном, и сосредоточиться на общественно значимом?

У Светы от страха рот перекосило! Но она пересилила себя и сказала почти спокойно:

– Ванюша! Это ничего, это бывает! Тебя просто Губернатор испугал! Это пройдёт! Ты посиди, успокойся, а я мухой в аптеку летаю!

Пока жена ездила, Иван анализировал ситуацию: "Ну, что ж, когда-то это безумие должно было закончиться. Да, закончились эти безобразные соударения, крики, стоны. Закончились эти сумасшедшие переплетения в "морские узлы", когда не известно, какое место придётся целовать через секунду! Вот теперь можно будет спокойно спать ночами, завести какое-нибудь хобби! А на работе заняться, наконец-то, работой!"

Но при воспоминании о работе в голову полезли трудные вопросы: "А как же теперь мой служебный "Мужской путь", если я уже не мужчина? Можно, конечно, пойти "Женским путём", сменить, так сказать, половой имидж. Тем более что теперь это модным стало. Но бывшие подруги не поймут! Начнется ревность, свара прежних покровительниц и новых, "голубых"! "Паны" с "паненками" будут драться, а мне чуб и ещё кое-что оборвут!!!"

Печальное философствование прервала вернувшаяся Светлана. И Иван уже только смог испуганно прошептать:

– Лечи, жена! А не то по миру пойдем!!!

Лечение домашними средствами.

А жена вернулась успокоенная. В аптеке её заверили, что моментально поможет любое из модных и разрекламированных лекарств. Света на всякий случай скупилась все и принялась потчевать ими мужа. Лечение начали, веря в успех. Полностью и безоговорочно! Но прошел день, другой... Прошла неделя... Наконец, таблетки закончились все... Но улучшение не наступило! Как говорят специалисты: "Устойчивая неустойчивость! Состояния не стояния!" Вот теперь Света испугалась до смерти! В отчаянии она отправила "молнию" в деревню: "Семен! Вези травницу! Ивана надо спасать!"

Из деревни, немедленно, приехали все. Кроме коров! Но доярка Света приревновала, и сразу выпроводила со словами:

– Человека лечить надо, а они тут своё "вымя" понавезли!

Доярки Семёна утащили с собой. Он только и успел посоветовать:

– Ваня, налегай на масло и мясо!

Но продукты тоже не помогли. Тогда братья Алхимиковы предложили последнюю свою адскую смесь под названием: "Из-за леса, из-за гор, покажи-ка хрен, Егор!!!"

– Дроболызнешь дозу и всё! – рекламировали они. – И всё, что шевелится, движется, плавает, летает – твоё! На сутки!

Но братьев Света тоже выгнала:

– Мой муж и какие-то шевелящиеся инфузории в тувельках? Да ни за что не позволю!

Настала, наконец, очередь Ниловны. Травница применила испытанные временем чудосборы: "Встань-траву", "Овладей-траву", "Отлюби-траву"... Но, увы, эти средства оказались бессильны перед таким сильным бессилием! Тогда старуха испытала последнюю свою разработку: "Заплати налоги! И будешь спать спокойно со всеми" – траву!"

Но и она не помогла!!! Света свалилась в обморок! Ниловна вернула её в чувства травой под названием "Плюнь на него! Другого найдёшь!", и тоже уехала в деревню.

"Плюнь на него! Другого найдёшь!"-травы была очень сильная! Многие женщины, лишь понюхав её, бросали мужей! А затем не могли и на десятом мужике остановиться! А Света лишь час помечтала об Сталлоне, но затем решительно сказала:

– Звоним Ольге Аркадьевне! Пора подключить административный ресурс!

"Если ранили друга, то поможет подруга!"

В тот же день в кабинете заместителя Губернатора, по тревоге, собрались все семь верных подруг Ивана и Света. Ольга Аркадьевна, как хозяйка кабинета, решительно повела консилиум:

– Жена, доложи, что предпринято с момента трагического падения!

Света рассказала:

– Подруги! Поверьте, делала всё возможное! Вначале, понятно, стриптиз показывала и танец живота! Не помогло! Стала проводить реанимацию: прямой массаж делала; затем "естественное дыхание" – "изо рта – в рот"! Бабы, и на "противоестественное дыхание" пошла – "изо рта – в другие места" делала!!! Но не помогло! Вижу, теряю я мужика: зрачки расширенные, а все остальное, наоборот! Потщила его к телевизору, включила крутой порнофильм "Невмоготу мне, не в наготу!", а сама поехала за лекарствами. Привезла, и неделю Иван горстями ел все самые сильные спец.таблетки, но "столбняк" так и не случился!

Ольга Аркадьевна воскликнула:

– А французское средство "Суперлямур" давала?

– Давала! – выдохнула Света. – Но он после него только лягушку-Царевну потребовал!

– А американское "Эрэкшен"?

– Да, но он по утрам флаг стал поднимать, а больше ничего!

– А китайское "Заю-баю"?

– Эх, после него только: "Баю-бай – поскорее засыпай!"

Наконец, Света выплакала завершение печальной истории:

– С африканского "Мбембе-Наголо" на дерево полез, а на меня нет! После испанского "Замучачу!" на быка с ножом бросился! А на меня так и не бросил-ся-а-а-а-а!!!

У самой молодой из подруг загорелись глаза, и она проворковала:

– Света, а может быть ему с тобой надоело? Возможно, дело поправит моё тело!

Но Ольга Аркадьевна приструнила:

– Не стыдно? Ишь, возбудилась как! Если уж Светка ему не нужна, значит, дело уперлось не в тело! Лечить человека надо! К самому модному сексоподъёмнику повезем. К академику Психозову!!!

Лечение по методу "Упал? Отлежался и встал!"

К врачу-исцелителю Ивана везли с сиреной! И моментально прикатали к особняку, где над парадным входом красовалась надпись "Академик Верховной Академии Секса Талмуд Психозов. Народный Экстрасекс Страны. Головокружительный Вертупоз Земли. Непререкаемый Эксперимент Вселенной".

Ассистентка, красивая как суперфотомоделка, любезно встретила посетителей. Доложила боссу, а затем пригласила в кабинет.

Психозов оказался огромным мужчиной с глазами, горящими дикой страстью. Ослепительно белые халат и шапочка, резко контрастировали с чёрными волосами, буйно растущими на всем теле этого красавца. Талмуд вскричал:

– Вижу! Ясно, девушки, вижу ваши проблемы! Раздевайтесь!

Не успели подружки и слово сказать, как из стены выдвинулись столы с бутылками и закусками. Интимно полилась душевная песня: "Снегопад, снегопад! Если женщина просит..." Как снегопад, из всех дверей, сексуально извиваясь, залетели ассистенты! На любой вкус и цвет! Женщины же не каменные, и многие начали подпевать, а одна даже слилась в развратном танце с двухметровым негром...

Но все остановила Ираида Петровна. Как самая стойкая, а может быть самая старая, она вскричала:

– Не нас надо лечить! А нашего Ивана!

Мгновенно прекратилась музыка, столы спрятались в стену, мужики удалились. А академик сказал тусклым голосом:

– А есть за что бороться?

Все женщины вскричали:

– Да там и подержаться было за что!

– Мне и вам достанется и ещё останется!

– Парламент! "Дорожное ограждение" от всех женских тревог и забот! Да он, вообще, наш стратегический партнёр!

Психозов обратился к Ивану:

– Ну-с, бывший батенька! Пойдемте-ка в Процедурный Зал.

Мужчины ушли, а женщины стали мучительно вслушиваться. Из-за двери Зала раздольно разнеслась песня: "Есть на Волге утес, диким мхом он оброс..."

А затем закричал Психозов:

– Стоять! Стоять, как утёс! Как твердыня! Падать ниже некуда! Только вверх! К свету! К жене и любовницам! СТОЯТЬ, Я СКАЗАЛ!!! Тьфу!

Музыка оборвалась, и из Зала вышел взволнованный и взмокший доктор:

– Увы! Мои методы в данном случае бессильны! Осталось последнее! Везите за границу к профессору Преображенскому-Третьему. Они Обезьяниновых породили, они, может быть, дадут новую жизнь! Начнётся с Ивана новый род каких-нибудь Слониновых. Или даже Китовых!!!

Дан приказ ему: "На Запад!"

Так же с сиреной, Ивана Семеновича повезли в аэропорт. Всю дорогу Ольга Аркадьевна пыталась сама решить вопрос о вылете во Францию. Но всё же пришлось звонить напрямую Губернатору. На абстрактную мольбу спасти человека Губернатор ответил абстрактно:

– Что ж тут поделаешь? Бог дал – Бог и возьмёт!

Но, когда Ольга Аркадьевна доложила всё в подробностях, Губернатор ужаснулся:

– Господи! Как мужика скрутило! Надо сделать всё, что возможно!

Он сам принялся решать этот вопрос жизни или смерти, минимум восьми женщин. И через полчаса истребители принудили приземлиться пролетающий мимо самолёт французской авиалинии. Пассажиры удивлённо смотрели, как какой-то мужчина расцеловался с группой заплаканных женщин и взбежал по трапу. Лётчики получили указание лететь как можно быстрее и выполнили его. Раньше на час, самолёт приземлился в Париже! Там Ивана уже ждали сотрудники нашего посольства и повезли в клинику...

"Надейся и жди!"

Дело Преображенских процветало. Внук Филиппа Филипповича, Эдмонд, уже руководил всемирно-известной клиникой, в которой творили чудеса! Безнадёжно больных там поднимали на ноги, омолаживали, прихоращивали и ставили под венец!!! Понятно, что благодарные люди щедро оплачивали своё спасение и счастье. И клиника сверкала как снаружи, так и внутри: роскошью, надёжностью и верой в сексуальное будущее!

На мраморной стене фойе, выше дипломов университетов и научных степеней руководителя клиники, висела золотая рама с каким-то изречением. Иван подошёл ближе и увидел, что огромными золотыми буквами по-русски было написано "В очередь, сукины дети, в очередь!!!" Шариков".

И в очереди действительно сидели и миллиардеры, и президенты, и премьер-министры, и султаны... Все терпеливо ожидали в креслах, когда маг и волшебник сексологии, вернёт их к активной жизни. Иван, увидев огромную очередь, ляпнул:

– Блин, до конца Светы просижу!

Вдруг с одного кресла подскочил мужичок и спросил с надеждой:

– Из России?

Иван признался. Очередник облегчённо вздохнул:

– Слава сексу! Хоть будет с кем выпить! Второй месяц здесь маюсь! Насидишься, бывало, до потемнения в глазах, и к соседу по очереди с мольбой:

– Дорогой! Давай засадим по маленькой, беленькой литрушке!

А он, зараза, высокомерно отвечает:

– Нихт хрена фирштейн!

Иван тоже обрадовался своему соотечественнику и посочувствовал:

– А у тебя, что? Заболел? Или уже совсем отболел, заменять надо?

Мужичек представился Сергеем, "бизнесменом по чисто бензину", и рассказал о семейном предании.

– Отец, умирая, созвал нас, трёх братьев! – взволновался Сергей. – Но когда мы приехали, батя говорить уже не мог. Натурально только руками шевелил! Он достал одну палочку и сломал её. А затем сложил три палочки вместе и попытался сломать. Это усилие отца и сгубило! Похоронили. Затем сели думать, что же он нам пытался сказать? Но только через десять лет, когда у меня начались проблемы с женой и тремя любовницами, я понял, что мне подсказывал отец! Теперь вот жду операции, профессор обещает еще пару штук рядом пришить. Три то точно не согнуть и не сломать!!!

Беседуя, россияне уселись на свободные кресла и настроились на ожидание.

Но Ивану Семеновичу не пришлось ждать! Как только о нем доложили, Эдмонд сам вышел и обнял потомка пациента, с которого и начался доходный бизнес Преображенских. Затем Ивана повели исследовать, измерять. Стандартного длинномер не хватило, пришлось использовать тот, которым измеряют рост. И то, только-только!

После обмеров Преображенский восхищённо воскликнул:

– Так вот у тебя какой! Наука может гордиться таким выдающимся достижением! Но, Ваня! Зачем тебе все эти мучения: бессонные ночи; болезненные соударения; укусы; оглушающие стоны и крики? Скажи спасибо Губернатору за то, что отмучился. Продай нам это бесполезное теперь орудие мучений и пыток! Продай за сто тысяч долларов, для семейного музея надо!

У Ивана слеза скатилась:

– Дорогой, Эдмонд! Да я бы тебе, золотая душа, так отдал, бесплатно! Преображенские нас, можно сказать, породили и карьеру обеспечили! Но, понимаешь, женщин за годы жизни столько прибилося ко мне. Столько их привыкло к этой штуке, что и не знаю, что они с собой с горя сделают!

Эдмонд, обнял Ивана:

– Понимаю! Сам в таком же положении! Что ж, будем помогать! Я бы тебе вне очереди поменял орган, но пока нет достойного экземпляра. Надо ждать. Ты пока возвращайся домой, а как только трагически погибнет слон, или кит, так мы тебя сразу вызовем! Кстати, я тебе пятьдесят процентов от стоимости сброшу! Это будет стоить всего лишь...

И Преображенский назвал такую цифру, что у Обезьянинова потемнело в глазах!

Эх, хрен со мной! Ненужный, впрочем...

Только в полете до Москвы Иван Семенович начал приходить в себя. И из столицы он решил поехать домой на поезде, чтобы хорошо все обдумать.

А мысли были тяжёлые! Для того чтобы вернуть его в строй, пришлось бы продать джип, коттедж, снять все сбережения, занять огромную сумму у знакомых... "А потом как быть? – мучили мысли Ивана. – Рай в шалаше? Очень мило! Но парни же подрастают! Им учиться надо! Им надо помочь на ноги встать! Лучше уж я исчезну из их жизни! Женщины и без меня парней поднимут! А Света? А Светлана найдет кого-нибудь, она без мужика не сможет жить! И пусть все будут счастливы! А я уж как-нибудь..."

С мыслями о семье и слезами на глазах сошёл Иван Семенович на вокзале небольшого городка. И растворился, как говорится, в ночной тьме...

Часть третья. "От тюрьмы не зарекайся!"

... Прочитает человек бывалый эту часть книги, и скажет:

– Туфта – это всё! Там же беспредел!

Согласен, но... Ребята, давайте сегодня о грустном не будем! Выбранный жанр обязывает! Былинушка, одним словом!

... Исчез наш былинный герой в тумане, да не исчез из моей памяти! "Что с ним? Где он?" – болит и вызывает душа Автора. Мои глаза лихорадочно шарят по карте: "Здесь нет! И здесь, блин, нет Обезьянинова!!!" Но вдруг я случайно натыкаюсь взглядом на маленький городок Утильск. Городок ничем не примечательный, тихий... Хотя, позвольте, что это там за шум на вокзале? Давайте посмотрим...

На вокзале Утильска

Из вокзальной "Комнаты "Матери и ребёнка" разносилось не стройное, но громкое пение пьяных. Пытались петь две песни:

– И родная не узнает, какой у парня был конец...

– Любовь – кольцо! А у кольца, начала нет, и нет конца-а-а-а!
Песни, на последнем слове, обязательно прерывались рыданиями.
– Нет! Нет уже конца! – рыдал один человек.

Ба! Да это же наш потерявшийся друг! Иван Семенович Обезьянинов во всей красе своего постмужского имиджа!

Бывшего мужчину успокаивали собутыльники: случайные приبلуды-мужики и заведующая "Комнаты...". Успокаивали неизменным тостом:

– За счастливый конец!

Затем заводили те же песни, но опять Иван рыдал, и снова поднимали тот же тост. На непрерывное заливание горя требовались напитки в огромных количествах! За ними бегал официант привокзального ресторана, который тоже участвовал в этих своеобразных поминках. Платил за всё Обезьянинов. Периодически врвался вокзальный милиционер, и грозно обличал:

– Что? Святую "Комнату" Матери...", превратили, к матери, в бордель?

Служивого успокаивали, упрасивали присесть... Но он всегда отказывался, выпивал стоя стакан, и уходил наводить порядок в свою служебную комнату...

Жалея себя, наш человек может прожить всю жизнь. Проплакав "невидимыми миру следами" и разбавляя их обильно водкой! Так и Обезьянинов просидел бы до конца жизни, но... Однажды утром он, продрав глаза, не увидел собутыльников. Зато из зеркала на него посмотрел незнакомый человек тривиального вида. Поистине, избитый и лишенный свежести! Пока Иван пытался опознать самого себя, открылась дверь и вошла заведующая. Иван с радостью узнал женщину, с которой проплакал столько упоительных и душещипательных вечеров. Понятно, что он потянулся к ней! Эх, ещё секунда и в "Комнате" Матери и ребёнка" обрели бы счастье Мать и прильнувший к ней блудный Ребёнок...

Увы! Заведующая заговорила сухо и официально:

– Гражданин! Кто вы? И как оказались здесь, в этом "Храме Матери и Ребёнка"?

Иван раскрыл рот от изумления! Но дама и не ждала ответа:

– Вот пришли товарищи из органов, им и объясните всё!

Зашли два молодых парня. Они бодро и по-деловому стали сразу составлять протокол. По всем показаниям бывших собутыльников выходило "Дело". Оказывается, Иван появился неожиданно в помещении, пристал к хорошим людям, и избил одного из них! Свидетелями и понятыми выступали заведующая и официант.

Ребята из органов задушевно предложили Обезьянинову:

– Признайся, избил?

– Нет! – твердо ответил Иван.

– Тогда пишем в протокол, что наркоту у тебя нашли. Понятые подтвердят!

Иван подумал секунду, а затем выдохнул:

– Ладно, признаюсь, вдарил разок.

– Вот и молодец, чистосердечное признание зачтём! Дальше проводим обыск и составляем опись личных вещей. Хотя шмонать у тебя нечего! Пишем! Задержанный одет в спортивный костюм и тапочки. Остальные вещи отсутствуют. Паспорта и денег нет!

– Как нет? У меня же вчера куча денег была!

– Слушай, ты давай сам определись: были у тебя деньги и дурь, или нет?

– Не было ничего. Ни дури, ни денег!

– Вот и молодец! Как фамилия, имя, отчество?

Иван задумался: "Жену-подруг дёргать? Детей позорить? Нет!!!" Не стал говорить, кто он и откуда, а сказал, что память отшибло. И записали в протокол так, как сказал: "Незнайка Безпамятный".

Всё! Свидетели есть? Есть! Задержанный сам всё признал? Признал! А остальное пока-тилось по заведенному маршруту! Правда, судить то уже "Незнайку" не надо было, деньги то он не требовал вернуть. Но бумага требовала хода! А что такое в России человек против БУМАГИ? Ничто!!!

Быстро следователь сказал:

– Кончил "Дело" – гуляю смело!

Так же быстро присудили Обезьянинову год зоны, и сказали:

– Скажи спасибо, что мало дали! И мотай себе на ус срок!

Иван взмолился:

– А можно заочно отсидеть? Экстерном, так сказать?

Ответом был деловой приказ судьи:

– Введите следующего!

Но всё же Ивану повезло! Раз сразу признался во всем, в чём попросили, то обошлось без физических методов дознания! В камере отдела милиции долго на "лежбище" не лежал, в СИЗО не парился, в "стольпинском" вагоне через всю страну не трясся! "Суд да дело" про-вернули фантастически быстро! Затем сказали:

– Назвался Незнайкой? Полезай в кузов!

И повезли этапом в машине-автозаке в лагерь! Да и лагерь оказался в трёх часах нето-ропливой езды! Ну, просто чудо!

Правильный лагерь!

В двадцатых годах прошлого столетия, недалеко от Утильска, открыли лагерь юных аст-рономов с научным названием "Черная дыра". Потом в лагере детей сменили заключённые, но название неофициально осталось. И, со времён ГУЛАГ, в лагере всегда был аншлаг!

В наши дни лагерь существовал в соответствии с новой концепцией "Закон и понятия – едины!" Начальником государство поставило незаурядного руководителя. Полковник, кото-рого уважительно звали Феодал, организовал крепкое натуральное хозяйство. Тем самым пол-ностью снял с правительства заботу обо всех своих подопечных и подчинённых. А навести порядок "за решёткой" преступное сообщество посадило на зону вора в законе, по прозвищу Авторитет. И буквально за пару месяцев в лагере восторжествовали закон и понятия! А бес-предел отступил и забылся! Затем Феодал и Авторитет, совместными усилиями, добились ста-туса "Вольной криминальной зоны". И зона стала богатеть не по часам, а по секундам!

Бригады заключённых: ловили рыбу в пруду; отлавливали в лесах птичек и зверюшек; заготавливали елки-палки! В мастерских выпускали продукцию народных промыслов: распис-ные деревянные изделия, мебель, одежду. Подсобное хозяйство поставляло на стол колонистам овощи, злаки, ягоды и фрукты, мясо, молочные продукты. Там же выращивали женьшень и другие лекарственные растения. А все излишки продавали на сторону.

Охрана давно сказала:

– А она нам "нада"? Эта канонада?

И войско добилось, в соревновании среди колоний, почётного звания "Демилитаризо-ванная зона". Автоматы теперь висели в дежурке, как Дамокловы мечи. И брали их только тогда, когда сопровождали машины с товаром на продажу, или шли охранять производствен-ные бригады от окружающего зверья и бандитов-беспредельщиков.

Вот в какой лагерь привезли Ивана. На воротах и заборе висели транспаранты: "Терпенье и труд срок перетрут!", "Пришел, увидел и... И сиди!", "Именно здесь зимуют раки и зеки!", "Счастливые срок не наблюдают!", "Не говори гоп, пока не перепрыгнешь забор!"

А за воротами нового сидельца встречали руководители колонии. Феодал вручил хлеб, а Авторитет передал Ивану символический пуд соли. Главный Начальник наставлял Обезьянинова:

– Волей-неволей ты попал в неволю! И, как говорится: "Раз пойман – значит, вор!" Посему, если мозгов слишком много, то выкинь "это" из головы! Работай, работай, работай! Заработать мы тебе дадим, только тратить успевай! Казино, ресторан, клуб-церковь – всё к твоим услугам! Бордель есть натуральный, поэтому, чтоб мне без всякой задней мысли! Зона стоит до первых "петухов"! А потом начинается разврат и порядок пропадает!

Авторитет добавил:

– Наш закон: "И волки сыты и овцы целы!" Охрана к людям не придирается! Криминал дискриминацию не проводит! Наказаний нет никаких, кроме штрафов. Но, если нарушишь, рублём ударим крепко! И, пока не отработаешь долг, будешь закрыт на зоне!

Ивана подвели к памятнику "Первому зеку" и заставили прочитать клятву:

– Не верь! Не бойся! Не проси!

Зачитал Иван этот великий "за решёточный" закон, и в голове у него целая революция произошла! На воле то всё наоборот: "Слепо верь руководству! В душе главным должен быть страх, на нем вся страна и держится! И проси, унижайся, а то ничего не дадут!"

Но недолго Обезьянинов размышлял. Его повели в баню перемыть косточки! Затем подстригли под одну гребёнку, как всех. Одежду отдали после "санпрожарки" и сказали:

– Запомни! Как только "мурашки" забегают, так сразу беги и жарь тело и шмотки!

Обезьянинова, блестящего чистотой и лысой головой, повели в столовую. Там торжественно вручили именную ложку-"весло". А затем устроили проверку по старинной примете: "Как ест, так и работает!" Иван проверку выдержал с честью! Он с голодухи умял: три тарелки борща, две порции второго с мясом, и три стакана компота! Сам главный повар Демьян вышел посмотреть на нового зека. Демьян довольный, что его еда понравилась, сказал Ивану:

– Подожди, я еще уху свою тебе сварю!

Далее Семеновича повели в музей зоны, рассказать богатую историю этого ареала обитания зеков.

Музей "Чёрной дыры"

Хранителем музея и экскурсоводом был старозаветный зек, по кличке Патриарх. Он сидел в лагере с самого открытия: сначала пионером, а затем и заключённым! "В обед сто лет" старику скоро, но он сохранил твердую память и бодрую выправку. Вот уж, воистину, нашла коса Смерти на камень-кремь!

Патриарх стал неторопливо Ивану всё показывать и рассказывать:

– История всегда ярче в сравнении: как раньше было, и как сейчас стало! Раньше нерационально относились к рабочей силе, не чувствовали какой доход можно с каждого зека поиметь. Помню, первый начальник колонии был малограмотный, до десяти не мог считать. Выстроит всех заключённых, раз-два и обчёлся! Остальных в расход! А тех, кто жив остался, били. И как только не били: били во все колокола, били как об стенку горох, били как рыбу об лед и, даже, баклуши зеками били! Да что там говорить! Даже отбой зеком о рельсу отбивали! А был ещё легендарный "Мастер на все руки"! Он с двух рук "кормил" "берёзовой кашей". Да так стегал берёзовыми прутьями, что на весь срок запоминалось! Если живой оставался!!! Во как было! Да и чего охране было стесняться? За одного битого двух небитых сразу в лагерь присылали! Ну, а тех, кто прибыл, сразу воспитывали! Кляп в рот, и молчи в тряпочку в камерах "Холодильник" или "Инкубатор"! В "Холодильнике", говорят, даже электроны в атомах тела зека останавливались! А в "Инкубаторе" жару создавали такую, что из яиц птенцы вылуплялись, и через глаза лезли!

Старик вздохнул и продолжил:

– Понятно, что люди зверели от этого. За словом в карман не лезли! За "пером" лезли! "Вставить "перо"!" – это запросто было тогда. Часто чистили "пёрышки" друг об друга. И живые неживым завидовали! И в самом деле, разве это жизнь была? Жрать – нечего, денег – нет! В бараке – ни пуха, ни пера! В столовой, с названием "Не до жиру, быть бы живу!" – ни рыбы, ни мяса! И скупым трапезам зеки свои названия придумали! Завтрак – "Кукиш с машинным маслом"! Обед – "Куры не клюют – все сдохли!" Ужин называли "Лебединая песня", да и такой заставляли отдавать врагу-охраннику! Так что питались, в основном, свежим воздухом. Закружится зековская голова от воздуха, и случалось людоедство! Так, бывало, готовят своего товарища, что просто все его пальчики оближешь!

Но в те времена хоть об охранниках государство не забывало! Кормило их от пуза, платило нормально! А вот в период последних реформ всем стало хреново! Даже курева не стало! И все рассказывали друг другу сказки про белого "бычка"! Эх! Сядут, бывало, рядом зеки и их надсмотрщики, и заревут-завоют! И тем и другим плевали в душу, а они в потолок. Плёвое дело было! Помню, кто-то на колодце написал: "Не плюй в колодец, пригодится утопиться!" Но кончали с собой слабые, сильные зеки пытались бежать!"

Старик подвёл Ивана к разделу "Великие побеги".

Стенд "В стратосферу с нечистой совестью!" экспонировал материалы об интересном побеге. Заключение совершил попытку улететь к матери на презервативах, наполненных тёплым воздухом. Как взлетел с улыбкой, так и спустился обратно из-за облаков с улыбкой. С навеки замёрзшей улыбкой!

На другом стенде экспонировалось чучело метровой крысы! И рассказывалось, как другой зек крыс раскормил-приручил. Они ему подземный ход на волю вырыли! Но, видно, жалко им стало отпускать добро, и крысы своего дрессировщика сами и съели!

Следующий рассказ Патриарха был ещё интересней. Один йог-зек мёртвым притворился! Остановил сердцебиение, дыхание... Да, йог твою, тут тебе не замок Иф! Сунули хитропопого "Монте-Кристо" в гроб, и сразу закопали! Потом всем лагерем ставки делали! Выиграл тот, кто верил, что йог в могиле неделю проживёт! Вот неделю тот и орал, пока не задохнулся!

Другой заключенный удумал жену начальника в заложники взять! Начальник с радости ему паспорт выправил, денег на дорогу дал, и сам на вокзал отвёз. Побег удался, но... Через неделю зек обратно прибежал! Ползал на коленях, умолял забрать женщину, а его посадить, и срок добавить за побег. Но начальник стоял твердо:

– Сбежала, так сбежала! А ты мучайся до смерти!

Старик закончил свой рассказ словами:

– Вот так и растекалась история зоны беспредельно, смывая на своём пути людей и закон. И поворот к порядку начался только тогда, когда Феодала руководить поставили. Он с месяц метал гробы и молнии, но всех усмирил! А потом постепенно втянулись все в работу, и на зоне стали жить всё лучше и лучше! И, как живут сейчас заключенные, ты сам узнаешь! Иди в гостиницу "АнтиМАТерия".

В бывшем бараке

Здание гостиницы было сплошь увешано мемориальными досками в честь великих людей. "Ванька Куцый", "Кукиш", "Бузила", "Бздык"... – все отсидели в своё время здесь. А выше досок располагался транспарант с надписью "Не судите нас зеки, да не судимы будете!" Администрация".

Ивана весело встретил менеджер по проживанию, тоже из заключённых. Так как денег у Обезьянинова не было, его привели в самый дешёвый многоместный номер.

В светлой, большой комнате стояли несколько кроватей. Кругом была чистота и порядок. Иван удивился:

– А я слышал, что люди вповалку на нарах спят! А некоторые и под нарами в грязи!

Менеджер ответил:

– Петухов" у нас нет! И поэтому никто не живёт на птичьих правах! А ты зарабатывай "тугрики"! Тогда и в отдельный номер, с телевизором и душем, переберёшься!

Пока Иван осматривался, подошли с работы и другие обитатели номера. Они с интересом осматривали новенького, представлялись своими кличками:

– "Дырка от баранки" – шофер, аварию совершил...

– "Змей подколотный" – за шулерство сижу...

– "Совриголова" – мошенник, из мухи слона сделал, и мясо тоннами продавал...

– "АвтоГраф" – автовор! Люблю кататься – приходится сейчас и бревна возить...

– "Молодо-Зелено" – специалист по фальшивым долларам...

– "Золотые руки" – карманник, работал, не покладая рук, но не оценили мой труд, засудили...

Подошли ещё два парня, представились:

– "Шапочные знакомые" – срывали головные уборы с прохожих!

Наконец, подошел Взяточник, пожал руку Ивану своими вечно нечистыми руками.

Согласно царившим здесь понятиям, над Обезьяниновым не издевались: "прописку" и другие подлянки устраивать не стали! И кличку оставили ту, что сам выбрал – "Незнайка". Степенно побеседовали, посочувствовали Ивану, рассказали о распорядке жизни на зоне.

Жизнь строго по закону и понятиям

Всё на зоне крутилось вокруг дохода! Главное – приноси в общий "котёл" прибыль! Любым способом!

Есть деньги на воле? Пусть их гонят сюда! А тебя освободят от рабочей повинности, поселят в отдельный коттедж! И сиди срок в своё удовольствие: гуляй, пей, люби женщин, но... Не нарушай правила: не задирай зеков и охрану; не выходи, без разрешения, за пределы колонии!

Если денег нет, то не беда. Предложат работу по способностям. А заработанное заботливо переведут на твои счета в банк "МВД – Мы Ваше Доверие!", и в банк "Общакровский". Вкальвай мужик, и живи-отдыхай на столько, на сколько заработаешь!

Совриголова воскликнул:

– А что, мужики? Слабо нам кутнуть? За Незнайку выпить?

Все зашумели:

– А то! Всяко! А то, что-то не то!

И всей компанией повалили в ресторан.

Веселись, братва!

Не найти ресторан было просто не возможно. Вечернюю зону расцветили всполохи рекламы и растормошили звуки весело-разбитной музыки. Ивана повели прямо на шум и свет. Над заведением блестела надпись-название "Ресторан "Как у Кузькиной матери!!!"

Двухметровый метрдотель любезно встретил и сопровождал гостей за свободный столик. Иван сел и огляделся. Ярко освещённый зал был полон. За разными столами сидели зеки и их охрана в форме. Все были веселы, но вели себя смирно. Иван удивился:

– Как-то тихо все гуляют!

АвтоГраф пояснил:

– За скандал-ругань, драку, или, если нажрёшься и до кровати не дойдёшь, большие штрафы начислят!

Заказ мгновенно появился на столе! Все разлили водку и подняли тост:

– За Незнайку на зоне!

Пока пили и закусывали, на сцену степенно вышел конференсье и возвестил:

– Господа охранники и честные зеки! Начинаем наше представление "Всё сметено могучим уркаганом!" Первым номером выступает Бублик с вашей любимой песней!

Весь зал захлопал, оркестр грянул мотив. На сцену выскочил зек, зачесал ногами и бодро захрипел:

– Прости, старушка-мама, сына уркагана!

Все гости уже приняли по изрядной дозе, поэтому в едином порыве стали подпевать:

– ...из нагана... из стакана... того баклана... моего романа...

И так посетители к концу песни раззадорились, что бросились качать певца, а потом, в запале, выкинули за кулисы!

Вновь вышел конференсье, пошутил:

– Раньше было так: "Украл, выпил – в тюрьму!" Сейчас масштаб другой: "Украл тюрьму – выпил!"

Он не стал пережидать смешки, а прокричал:

– А теперь, на волне своего успеха, снова Бу-у-у-блик!

На сцену выскочил, прихрамывая, знакомый певец и завыл грозно:

– Подожди, зараза, я вернусь!

Все гости опять стали кричать-подпевать:

– ...продала меня, Мусь?... не жди, не застрелюсь... не жди, не удавлюсь... жди, я заявлюсь... прихлопну тебя, гнусь!

Отпев, певец сразу резво убежал со сцены! А праздник продолжился! Напитки сами собой текли в горло! Пиво – ерепенилось! Водка – опаляла! Шампанское – остужало! Особым ценителям предлагали "чифир": "Только для гурманов! "Чифир "Вздрючительный!" Но, Минздрав предупреждает, "чифир" вреден для Вашего сердца!"

Иван перепробовал всё горячительное, в том числе и огненное, чёрное "вздрючительное"! Понятно, что ориентироваться в пространстве и времени он стал смутно.

И, для него совершенно неожиданно, на сцене вдруг возникла арбузогрудая дама и затянула жалобную песню:

– Прокурор, не гони лошадей! Мне некуда больше спешить! Сидеть мне три тысячи дней! А подругу мне нечем любить!

Скупая мужская слеза залила все столы! И никто из гостей не смог подпевать певице:

– ...как могла откусить?... и уже не пришить... хирурга прибить... в сексшопе купить... по-французски любить...

Певица закончила петь, раскланялась под бурю аплодисментов! Застольщики Ивана смахнули слезы, перекрестились и подняли тост:

– Пусть будет могуч и "стояч"!

Выпили, взбодрились, и вспомнили сразу про бордель! "Молодо-Зелено" воскликнул:

– А слабо нам по бабсам вдарить?

Опять вся гоп-компания зашумела:

– Вперед! На штурм доступных, и преступных "крепостей"!

Иван резонно уточнил:

– А кто этот банкет оплатит?

"Дырка от баранки" пояснил:

– Всё администрацией уже учтено, и будет вычитаться с твоего счета в банке!

"Эх, залетные! Смотрите, не залетите!"

Весёлые друзья, бодро шатаясь, пошли за порочными утехами. Здание, где обитали жрицы продажной любви, тоже выделялось в лагере. Выкрашено оно было в яркий жёлтый цвет, и по всему фасаду были навешаны красные фонари. Когда подошли ближе, реклама просто ослепила: "Подходи, налетай, любит всех Гюльчатай!"; "Что хошь, как хошь – и всё тебе за грош!"; "Беги ко мне, мой мальчик – обслужит тебя Зайчик!"; "Хоть как кристалл ты трезв, хоть пьян ты, как скотина – всех ждёт в свои объятия красивая Дивчина!"

А в фойе борделя висели сертификаты качества и соответствия профессионалок секса: Гюльчатай, Зайчика, Дивчины и прочих. Друзья Обезьянинова были здесь завсегдатаями. Не прошла и минута, как они разбежались по гостеприимным номерам. А Иван мучительно пытался объяснить менеджеру заведения Марусе, своё состояние.

– Пойми, милая! – втолковывал пьяный, но честный Ваня. – Не теряйте на меня время! Всё впустую! Всё в прошлом!

Но его всё же увела с собой в номер знакомая певица из ресторана. Иван удобно устроился в ложбине между её "арбузами", и сладко проспал оплаченное время.

Усталые, но довольные, друзья вскоре вытащили Ивана из этого пленительного ущелья! Удивились:

– Во, блин, Иван падкий! Совсем на ногах не стоит! Ну, ты чего "ни бе, ни ме"? Пострадает твоё реноме!

И кто сам, кто под белые ручки, но все бродяги вернулись в гостиницу.

Вечерний пустозвон

Пора было спать, но всем не спалось! Завели разговорчики "вне строя". Обезьянинов, сквозь дрему, слушал реплики других:

– Ух, Гюльчатай и ломовая! Столько ломит за раз!!!

– А у меня покладистая оказалась! Присовокупил к своей коллекции!

В разговоры вмешался Взяточник:

– Мужики, об них ни слова! В приличном обществе находимся!

Все стали над ним подшучивать:

– Что, грязнуля, зазнобило от зазнобы?

– Точно! Маринка его совсем замариновала!

Но путь разговоров всё же свернул на воспоминания о боевом прошлом:

– А ларчик просто открывался! Взглянул, а там: золото, бриллианты... Хвать, но тут как тут менты!

– ... Времени было в обрез, посему схватился за обрез!

– ...Принёс он им справку, что потомственный импотент в третьем колене! И дело с концом закрыли...

Сквозь сонную одурь Обезьянинов услышал ещё как "Змей подколодный" заказал "Секс по телефону".

– А она мне чего делает? А я ей чего? – вот под эти слова Иван и уснул.

Начало трудового пути

Утром всех разбудил менеджер:

– Мужики, подъём!

Обитатели номера быстро умылись, и также споро пришли в столовую. После завтрака все пошли на свои рабочие места, а Ивана направили в "Административный корпус".

Там Обезьянинова встретил Главный Менеджер-Распределитель Работ словами:

– Искренне рад встрече! Труд – это священный долг зека!

Затем Менеджер долго расспрашивал нового работника, заполнял анкету... Потом он прогнал ответы через компьютер... Затем сам долго думал, анализировал... И, наконец-то, сказал:

– Исходя из глубокого обобщения полученной информации, вы, гражданин Обезьянинов, ровным счётом ничего не умеете делать!

Иван воскликнул:

– Точно! Вот, блин, чудеса наука творит! Сразу всё обо мне поняли! Но мне то, что теперь делать?

Менеджер успокоил:

– Не волнуйтесь! Работу мы находим любому! Пожалуйста, вам на выбор. "Мартышкин труд" – кедровые орехи срывать. Золотарь – собирать не золото, но тоже полезный продукт! И, наконец, менеджер по кладбищу.

Обезьянинов подумал и выбрал кладбище.

Спи спокойно, зек! Хуже уже не будет!

Кладбище давно уже вышло за пределы зоны. Да что там говорить! Кладбище давно уже переросло и размеры всей зоны! Причём раз в десять! Но в последние годы оно расти стало значительно медленнее. Зекам стало интереснее жить, чем умирать-отмучиваться! А затем Феодал сказал:

– Порядок начинается с памяти о мертвых!

Это, как впрочем, и все другие его указания, немедленно стали воплощать в жизнь. Прибрали могилки, обустроили ограду, расчистили дорожки. И стали водить экскурсии.

Ох, сколько людей, хороших и умных, Россия уже потеряла! Сколько зарыли талантов в землю! Сколькими выдающимися людьми заморили червячков!

Наконец, новоиспечённый менеджер пришёл к тем, кого жизнь положила на обе лопатки. На кладбище было пустынно, люди как сквозь землю провалились! Иван подумал: "Эх, братцы, сравняли вас с землёй. И лежите вы теперь тише воды, ниже травы".

Обезьянинов пошел искать главного здесь менеджера. По дороге читал эпитафии на крестах: "О тебе, друг: ни слуху, ни духу!"; "И был таков – Иван Петров!"; "Один росчерк "пера"! И нет человека!"; "Кого зарезали "пером", того не зарубишь топором!"; "Здесь лежит, поминнай, как звали: Индустриализад Заряновойжизневич Пустьвсегдабудетсолнцев!" Обратила на себя внимание и могила с надписью: "ШтрейхбреХеров – на хер!".

В дальнем конце кладбища Иван заметил какое-то шевеление. Пришел, а там три мужика копают могилку. Познакомились. Главный среди них рассказал, для чего место готовят:

– Террористу одному не жилось на зоне! В жизни никогда не работал, и здесь не собирався. Подготовил побег, ворота хотел взорвать, но раньше сам взорвался. Похоронили с месяц уже как. А вчера его ногу за забором нашли! Теперь в двух могилах будет лежать. Одна нога здесь, а вторая, как говорится, там!

Иван стал, как мог, помогать своим новым коллегам. Учение трудно у него шло. Но приятели успокаивали:

– С десяток зароешь – профессионалом кирки и лопаты станешь!

К концу смены могилку вырыли и пошли с чистой совестью на ужин.

Кто не работает, тот отдыхает!

Иван с товарищами проходил мимо красивых замков.

– В этих коттеджах живут зеки состоятельные! – пояснили Ивану. – Самый богатый – это Кот! Он на зоне высоко котируется!

Иван спросил:

– Который Кот?

– А вот в том, самом большом, коттедже мурлом мурлыкает!

Коттеджи располагались рядом с забором зоны. И из их третьего этажа была видна дорога в заповедник, а если точнее в охотничьи и рыболовные угодья элиты! Часто туда проезжали и именитые адвокаты, которые стыдливо отворачивались от замков зоны. Понятно почему! Там же сидели сплошь их бывшие подзащитные!

Кот особо люто ненавидел своего адвоката.

– Дайте мне автомат! – часто кричал этот величайший строитель "пирамид". – Я прострочу этого адвоГАДА! АвантюРИСТ позорный! Столько из меня вытянул "бабок"! Он теперь на моем джипе мимо валяжно на охоту катит, а я здесь!

Но Кот сам был виноват! Адвокат его раз десять выгораживал, когда тот облапошивал тысячи лохов из народа! Но, когда Кот оборзел и нагрел людей из органов, спасти от отсидки было уже просто невозможно! Но Коту и на зоне было относительно неплохо, поэтому вернёмся к Обезьянинову.

После трудового дня

Ивану, с непривычки, от физического труда стало дурно. Он узнал, где можно получить помощь, и пошёл в медпункт.

Надо сказать, что симулянтов-"мастырщиков" на этой зоне не было. Да, что там говорить, даже действительно больные зеки старались сами лечиться. Дело в том, что всех их ждал с распростёртыми объятиями зек, заведующий медпунктом. По диплому он был ветеринар, а по велению сердца – хирург-любитель. Страсть как любил оперировать, руководствуясь извращённой пословицей: "Семь раз отрежь, плюнь и зашей!" Кто ж к такому пойдёт?

Иван ничего этого не знал, посему смело подошёл к заведению. Его немного смутил плакат, висевший на входе: "Бог дал – Бог и возьмёт!" Но всё же Обезьянинов вошёл.

Врач Вампиров был сама любезность! Он ласково вскричал:

– Вижу, вижу! Нужна срочная операция! Но не волнуйся, дорогой, одну руку и одну ногу спасём! Гарантирую! Но вначале надо кровь сдать. Тебе же и понадобится при ампутации!

Вампиров потащил ошалевшего Ивана в Красный уголок. Там висели красивые, кроваво-красные плакаты: "Долг платежом красен!", "Не красна изба углами, а красна кровью!" Врач уложил Ивана на кушетку, и вписал в Красную книгу: "Незнайка, сдал примерно 3-4 литра крови!"

Вампиров запел фальшиво-ласковым голосом песню "До последней капли!", и стал настраивать устройство похожее на доильный аппарат. Но, когда он обернулся, на кушетке пациента не было...

А Обезьянинов уже сидел в столовой! Свершилось чудо! Хвори прошли, а появилась жажда жизни и проснулся зверский аппетит!

Насытившись, Иван задумался: "Куда ж пойти?" В ресторан не хотелось, а в бордель не могло. Обезьянинов увидел вдали крест над зданием, и двинул туда.

Культурный отдых

Порядок и культура на зоне держались, конечно, в первую очередь штрафами. Очень давно на зоне ввели мораторий на мат. И за ругательство наказывали длин-н-ным рублём. А тех, кто часто ругался, отселяли из нормальной гостиницы "АнтиМАТерия", в другую. Название у той гостиницы было "МАТерия", и условия проживания там были хуже. Это наказание и штраф, обычно заставляли зека быстро забыть нехорошие слова. И остался только один не поддающийся воспитанию субъект, по кличке Хренотень. Он когда-то сжёг трактор на зоне, и отрабатывать ему этот долг предстояло до конца жизни. Посему Хренотень бродил и посылал всех! Далеко-далеко, в три этажа, в тридесятое царство-государство, и к тридесятой матери!!!

Но, кроме штрафов, ещё на нормальных зеков воздействовали воспитанием. И специально под эти цели освободили здание. Там расположился клуб, и одновременно молельная комната. И клубом и церковью заведовал один человек – отец Павел.

Когда-то давно, он служил священником в центре России. И, надо признать, вел себя не как подобает: крал из церковной кассы, играл в карты... Опять же водка и бабы! Дослужился до того, что прямо в лицо его стали звать "Греховный Отец"! И, наконец, он сам понял, что погибает! "Собственноножно" пошёл, и собственноручно заявил на себя во все органы: и духовные, и милицейские! Понятно, что сразу посадили. Отсидел он, обдумал всё, осознал и остался при лагере священником! Уж кому как не ему были понятны метания заблудших душ!

Часть дня отец отпускал грехи, переводил дух с Этого Света на Тот, дышал на ладан. Он даже кое-кого глубоко перевоспитал, и подвёл под монастырь! Другую же часть дня Павел заведовал светским учреждением.

Это двойственность сказывалась и на кинорепертуаре. Один день в клубе показывали "Броненосец Потемкин", а на другой день – "Крестный отец". Но сам Павел кино не смотрел, так как считал его бесовским изобретением. Посему был твердо уверен, что второй фильм рассказывал о праведной жизни итальянского священника...

Обезьянинов с интересом прошелся по этому клубу.

В одной комнате певцы из хора народов Севера "Чук-ча-ча-ча И Зек" разучивали песню: "Как родная меня мать посылала..."

В другой комнате отец Павел проводил вернисаж:

– Насажали художников нам на радость! Просто глаза разбегаются от чудных работ их, представленных здесь!

А в следующей комнате располагалась "Вечерняя школа "Век зек сиди, век зек учись!" Сегодня там проводили викторину "Время терпит, но нас не ждёт!" Иван услышал интересные вопросы:

- Кому закон не писан?
- На чужой каравай рот... Что?
- Дружба зека и охранника дружбой, а служба у охранника... Что?

В завершении культурной программы Обезьянинов просмотрел фильм об трудовых буднях итальянской мафии.

Иван вернулся в гостиницу переполненный впечатлениями от встречи с прекрасным и духовным. Он почти засыпал, когда притащились, усталые, но довольные от встречи с горячительным и телесным "сокамерники". А уснул Иван, опять под телефонный трёп "Змея подкожного":

– И они все десять голых на меня? Ух, ты! А я достаю из штанов... Сколько-сколько сантиметров?

Трудовой путь зека Незнайки

Утром снова был подъём, завтрак. Потом опять разошлись по рабочим местам. Гордо пошёл на кладбище и Иван.

Но вот тут-то и случилась первая осечка. Это в первый день коллеги закрывали глаза на то, что новый партнёр копает не вглубь, а вширь. И выкапывает не по кубу земли в час, а в час по чайной ложке! И закрывали глаза и рот от боли, когда он сандалил не по земле, а по их ногам! Но на второй день глаза одного из копальщиков заплыли от неумелого удара лопатой! Тут-то весь коллектив раскрыл глаза, а затем и рот:

– Иди ты на хрен! И штраф нас не испугает! Можешь так и передать Менеджеру! На хрен!!! Нам жизнь – дороже!!!

Иван поплелся за новой работой. Распределитель отправил его в коттедж Авторитета. Менеджером по мытью полов.

Над парадным входом в замок золотыми буквами было написано: "Мафия бессмертна!" Ивана впустил охранник-бык. Внутри была деловая обстановка. Авторитет, как Цезарь, управлялся сразу с несколькими делами. Он корректировал работу зека Толмача, который переводил законы на понятия, и понятия на язык законов. Одновременно вор в законе отвечал на вопросы писателя-заключенного, по кличке Хохмач, который вдохновенно писал автобиографию Авторитета. Тут же стоял художник по фамилии Худо-Беднов, который худо-бедно, но создавал жанровую картину "Авторитет на зоне". Иван притаился с ведром и тряпкой в самый разгар напряжённой работы. Ползал у всех под ногами, мешался, пока Авторитет не заорал:

– Выкиньте его на хрен!

Выкинули на улицу. И опять побрёл Обезьянинов за новой работой...

Его сразу бросило в жар! Кочегаром в котельную! Но в первый же день Ваня угля перекидал, а воды не долил, и чуть не расплавил котёл! Выгнали, на хрен!

Затем ему сказали:

– Без труда не вынешь рыбку из пруда!

И отправили в рыбацкую артель. Встретили Ивана там приветливо:

– У нас много заработаешь! Рыбы в пруду, хоть пруд пруди!

Но, в первый же раз лодка перевернулась, и, чудом доплывшие до берега артельщики, направили коллегу по вышеуказанному адресу!

Следующим рабочим местом была кузница "Куй железо, пока сидишь!" Новый помощник сразу от души вдарил по руке кузнеца! Тот заорал, забыв от боли о знаках препинания:

– Ой на кой ты такой куй здесь говорю а тут не куй ой блин иди накуй что-нибудь и где-нибудь а я сам накую посижу пока рука отболит ой...

Что ж тут поделать? Пришлось направить Ивана ценное удобрение по лагерю собирать. Через час все на зоне заорали:

– Мало золотарь поработал, да вони!!!

И направили горемыку в сад. Там яблоку было негде упасть! Все засеяно! И под деревьями клубнику посадили. Стал Обезьянинов трясти яблоню. Хорошо потряс, от всей души! Но яблоки, попадав, подавили ягоду! А оставшиеся клубнички Иван расплющил, пока собирал плоды. Вырывали с корнем Ивана и из сада!

Затем была попытка стать художником. В цехе "Народные промыслы" Ивану поручили расписать поднос изображением Жар-птицы. Обезьянинов старался час. Главный художник посмотрел и сказал:

– Художник из вас получится, но слишком уж злой!

На сей момент, Менеджер-Распределитель перебрал почти все существующие виды труда на зоне. Остались: поварское искусство, бордель и заготовка леса.

К еде Ивана побоялись приставить – отравит! Продавать тело ему пол не позволял. Осталась заготовка древесины. Но не даром на зоне была поговорка: "Сколько зека не корми, он все в лес смотрит!" Это потому что самые большие заработки были на лесоповале! И все стремились попасть туда! Но не сидеть же здоровому мужику без дела. Отправили Ивана в лес, сверх штата.

Руководил бригадой лесорубов зек Кэп, бывший капитан дальнего плавания. Он попал за аварию прямо с корабля на лесоповал!

– Не бойся, Незнайка, научим! – ободрил он Ивана при встрече. – Работы бояться – в лес не ходить!

На следующий день бригада отправилась на работу. С собой захватили инструмент: топоры фирмы "Раскольников и бабушка"; одноручные пилы "Вжик!", и двуручные "Вжик-вжик!" Шли по плохой дорожке на поводу у конвоира...

Конвоиром служил прапорщик по кличке Штабель. Он любил всякие немецкие словечки: "Шпацирен... Шнель... Хальт... Цурюк... Швайн!" А особо часто применял слово "капут": "Смене – капут! Сосне – капут! Обеду – капут..."

Наконец, добрались до лесной делянки. Кэп закричал:

– А, ну, мужики, навались! Мёртвый час будет вам, но только на кладбище!

Зеки стали работать, а Штабель уминал "яйки" и пил "млеко".

Поначалу и у Незнайки дело пошло! Он бодро и толково подставлял плечо под бревно, сучья в костер носил... И тут ему, как на грех, доверили поддержать сосну рогулиной, пока зек Вася её рубил...

Гордый доверием, Обезьянинов не столько держал дерево, сколько мечтал. Мечтал, что заработает денег, выйдет на свободу, сделает операцию во Франции и приедет победителем к своей семье...

Из мечтаний его вывели крик и хруст! К нему подбежали люди, закричали:

– Упала сосна на Ваську! Скорее поднимайте!

Совместными усилиями дерево отбросили. И зрелище предстало не из приятных:

– Совсем потерял парень голову! Понятно – мозги то набекрень! Да так, что уж и не вправишь!

Подошёл Штабель, посмотрел и произнёс:

– Вась ис сдох!

Кэп, от души, такой ультиМАТум и хрестоМАТию завернул, что аж верхушки деревьев закачались!!! Тут-то все и посмотрели на Обезьянинова. И глаза у всех были "добрые-добрые"!

Как бежал Иван, как летел в лагерь! Только чудо могло его спасти! Его желание жить, и оказалось этим чудом! Зеки его не догнали! Но напрочь отказались работать с ним!

Всё! Больше пристроить Обезьянинова было не куда!

И весь трудовой стаж Ивана уложился в месяц! И старался он, и пытался, но всё без толку! Ну, не его это дело руками шевелить! Ему бы лозунги озвучивать, речи толкать, подсчитывать, кто и что сделал... Но кому на зоне это нужно? Вот и включили Ивана в "чёрный список" на амнистию. За номером "нуль, причем самый первый"! И стал он сидеть, сложа руки...

Но не долго он так сидел, всего пять дней!

Итог революций, "великих" или малых, на Руси – это всегда пополнение тюрем и кладбищ. В верхах опять "ишло" реформ закололо одно мягкое место, посему стали заблаговременно расчищать места на зонах и в тюрьмах. (А на кладбищах было "всё спокойненько". Велика Россия, места всем хватит!)

И, понятно, Иван первый был отпущен под амнистию!!!

Вся зона пришла его провожать! Все не верили в такое быстрое избавление от такого опасного человека! И только, когда ворота за ним закрылись, все засмеялись, закричали:

– Скатертью, дорогой, дорога!

Последним засмеялся Кэп. Смеялся он хорошо, но истерически!

А у Обезьянинова глаза от стыда ни на что не глядели. Поэтому он пошел, куда глаза глядят, то есть в Утильск.

Часть четвёртая. Бомжируя над Россией!

Господа-товарищи, бывает ли у вас хорошее настроение? Такое, например: Солнышко, ласково пощекотав, разбудило вас. Осторожно, стараясь не потревожить любимую, вы спускаетесь с ложа любви, идёте по тёплым полу к окну и распахивает его. Распахиваете широко, так, чтобы тёплый, весёлый и чистый ветерок ворвался к вам и принёс новый день. Прекрасный день: с приятными, праздничными хлопотами; со встречами с интересными и добрыми людьми; с только хорошими новостями; с удивительными, веселыми и трогательными фильмами и спектаклями... И любовью! Любовью!! ЛЮБОВЬЮ!!!

Помечтали? А теперь вернёмся на грешную землю. И посмотрим, как по-разному устроились на ней наши люди! Видите? Кто-то твердо "сидит" на "шлагбауме" или "задвижке", открывая их не без выгоды для себя. Кто-то, как хищник в поисках добычи, барражирует. Но многие, ох, многие, увы, "бомжируют"! "Бомжирование" — это барахтанье людей, пытающихся выжить в очередном "переходном периоде" страны! Но за счёт этого барахтанья люди кормят не только себя, но и тех, кто "барражирует" и "твердо сидит"!

И, следя за "бомжированием", мы опять натываемся взглядом на маленький городок Утильск. И натываемся в тот момент, когда туда добрался наш герой.

Обезьянинов пошёл прямо на вокзал в "Комнату Матери и ребёнка". Как говорится, в "родные пенаты", в которых меня пинал ты!

Заведующая-предательница испугалась и стала оправдываться:

— Товарищ, вы войдите в моё положение! Прочувствуйте мою позицию!

— Не могу! — огорчённо пробормотал Иван. — Уже, увы, не смогу!

Тут привокзальный милиционер решительно вошёл в комнату и рявкнул:

— Товарищ! Попрошу "Комнату Матери..." покинуть немедленно, к матери!

Иван забормотал:

— Братцы! Куда ж я пойду такой?

Заведующая объяснила:

— Вам, товарищ, нужно денег подзаработать на дорогу домой. Езжайте на предприятие "Свобода", там всех принимают! И не бойтесь, не потеряетесь!

Потеряться в Утильске было действительно трудно. Сев в автобус на остановке "Вокзал", Иван вышел на следующей, под названием "Конечная". На "Конечной" и располагалось нужное предприятие. Это была свалка, над воротами которой висела огромная надпись:

"Свобода вас радостно встретит у входа!"

Все сообщества людей развиваются по пути завещанному: кому Богом, а кому Марксом. От первобытнообщинного строя к капитализму или коммунизму. Уж кому как повезёт! И все сообщества людские строят свои цивилизации. Утильск же развивался по своему пути, и, в конце концов, здесь была построена уникальная "Утилизация" с "утилитарным" строем. "Утилизация" — это потому что всё и вся в городке сгруппировалось вокруг свалки утиля.

Никто не помнит, когда здесь образовалась эта свалка. Издревле! И никто не помнит, когда на ней стали собираться люди, которые вначале просто жили и кормились подножным кормом. Но народ на свалке подобрался какой-то "настырный". Только и думали: "Что бы и где бы стырить?" Как говорится, в души этих людей постоянно закрадывались мысли о краже!

Поэтому, как при первобытнообщинном строе, стали уходить по утрам добытчики на "охоту" в близлежащий городок! Одни, как "потаскухи", таскали и таскали ворованное. Другие "лохматили": обманывали "лохов" в карты, наперстки, лотереи... Третьи собирались по трое и третиrowали прохожих по вечерам, отбирали ценности. Опять же торговля пошла вразнос: бродяги стали носить и продавать в городке пирожки из крыс... Понятно, что подобное поведение возмутило горожан.

И, понятно, стали бить! Причём, как только увидят бомжа в городе, так и бьют! А ещё и облавы устраивали на свалке. И, уж, на вольном воздухе, да без свидетелей, били до конца! Эти нравоучения заставили бомжей крепко задуматься. И, подумав, они бросились столбить участки свалки. "Утильная лихорадка" началась! Какие драмы случались и трагедии! Участки с боем отбивали друг у друга! Целые семьи пропадали вдруг! Но, когда численность бомжей сократилась до опасной черты, все собрались за общим костром. Крепко подумав, они образовали артель "Свобода" и принялись совместно добывать утиль.

Подобный способ производства постепенно разделил жителей городка на две части. Одни выбивались в люди, переставали работать на свалке и жили за счёт заработанного, или за счёт работы "свободовцев". Таких людей называли по-доброму, по-нашенски:

– Сраньтье!

Но таких было мало, и большинству приходилось "вкалывать" на "Свободе".

Как и в любом обществе, в артели произошло разделение на касты. "Чёрные" занимались добычей отходов из чёрных металлов. "Цветные", понятно, собирали лом металлов цветных. К "белым" относили работяг, собирающих макулатуру, пластмассу, бутылки, а так же попрошаек и прочих "интеллигентов", не марающих руки о мусор.

Кроме того, на "Свободе" стихийно перемешались немыслимым образом все общественные формации.

От первобытнообщинного строя артельщики взяли: общую собственность на средства производства, коллективный труд и потребление. От коммунизма захотели взять принцип: "От каждого по способностям, каждому по потребностям!" Только-только первую часть гениального лозунга успели воплотить, как вдруг пришли "внешние управляющие"! Или, проще говоря, бандиты. "Свободовцы", вкалывающие даже больше своих способностей, спросили:

– А по потребностям?

Крутые ребята ответили:

– А по рогам?

И этим ответом сняли риторический вопрос! Кроме того, новые хозяева навязали обитателям свалки много чего "хорошего" от рабовладельческого и феодального строев!

«Внешние управляющие» навели порядок и с претензиями лиц официальных. А до этого все было не организовано и похоже на набеги.

В конце недели наезжала, например, налоговая инспекция и начисляла столько налогов, что начисто вычищала все из карманов артельщиков!

Пожарные инспектора, пока их не опохмелят, шумели: "Кругом сгораемые материалы! Работать запрещаем!"

Санитарный врач проводил "санацию": "В таких условиях жить и работать нельзя!" Приходилось "давать на лапу" и эскулапу!

А милиция требовала прописку, но не прописывала и поэтому тоже имела постоянный доход.

Прочие чиновники спрашивали: "Сертификат на производство работ есть? Нет! Тогда гоните штраф!"

А вот гаишники вначале были сильно обижены! Но, подумав, они поставили на свалке знаки: "Ограничение массы – 5 кг!"; "Ограничение высоты – 10 см!"; "Подача звукового сигнала запрещена!" И стали штрафовать, начиная с грудных детей, за превышения роста, массы,

и за разговоры! Но и этого им оказалось мало, и появились знаки: "Стоянка запрещена!" и "Движение пешеходов запрещено!".

Это окончательно переполнило бутылку народного терпения, и стоянка артельщиков взбунтовалась. Бунт проходил по-нашему: три дня пили, ругались, рвали на себе рубахи и били друг друга. Но, главное, никто не работал! И город сразу это почувствовал, так как иссяк единственный источник дохода.

Во время этого кризиса среди бандитов выдвинулся вождь – ТрубаДур. Он любил покуражиться:

– Аль, я не Капоне?

– Капоне! И даже – Аль! – подпевали бандиты, все как один, пахнувшие одеколоном "Запах пахана".

ТрубаДур договорился с официальными лицами и стал платить им определённый процент. Аудитору купили "Ауди". А на такой машине ему неприятно стало ездить на свалку. Теперь каждый месяц ему бомж Доцент рассчитывал всё с точностью до цента. А бомж Визирь визировал отчёт и отправлял его по почте уважаемому аудитору.

Вокруг свалки возвели забор и поставили милицейские посты. "Свободовцев" поколотили, для науки, и запретили несанкционированные выходы в город: "Работайте и не отвлекайтесь!".

И все затихло в городке. "Утилитарный" строй как-то всех устраивал, все как-то сосредоточились вокруг утиля. Постепенно позакрывались заводы, институты... Депутаты подумали-подумали и распустили местную "Думу". И город стал бездумным и безмятежным. А потому и безнаказанным. За что город наказывать, если мятежей не было давно!

Вот в какой город попал Обезьянинов. И вот к воротам, какого предприятия подошёл он. Из приворотной будки выдвинулись два милиционера:

– Куда?

– Туда!

– Плати за вход!

– Нету денег!

– Ладно, пропустим в долг! Но не через ворота. Лезь, в стороне, через забор, а мы глаза закроем!

Иван, спрыгнув с забора, приземлился мягко. Мусор обнял новенького до пояса и хищно чавкнул!

Первые "свободные" впечатления

На свалке Ивану бросилось в глаза единственное сооружение типа "Барак". Кто конкретно изваял это изваяние, или изваял её "изваяние" неведомо. Но явно это был какой-то задний, так как кособокая хибара была построена через одно известное место. Артельщики в бараке ютились только зимой, а в тёплое время предпочитали спать на вольном воздухе. Как такового, сооружения типа "Сортир" не было. Он был вокруг! "А потому как свобода!" Когда место зас..., засиживали как мухи, стоянку просто передвигали на новое место.

Обитатели свалки просыпались, когда высыпались: "А потому как свобода!" Это они отстояли в классовой борьбе!

Вот в картонной норе проснулись два бомжа. И сразу, налив и выпив спирта, продолжили, как будто и не заканчивали, вчерашний разговор.

– Вот ты мне ответь! – жалея своего чёрного друга, спросил первый. – Кто ж тебя так назвал: "Наиб, твою..."

Второй ответил аналогичным вопросом:

– А у тебя, что за имя такое "ПроХЕР"?

– Эх, ты, негра неграмотная! Эфиоп твою... – с чувством сказал первый и поцеловал в лоб товарища.

А вот проснулся бывший профессор бывшего университета Утильска.

– Огрубел? Да! – дополнял он сам свою характеристику. – Но своё достоинство не опустил!!!

Профессор, так его и кличут здесь, выгонял очередную ночную подругу:

– Нотабли вы меня, милая! Идите к нотабене матери!

Вот так, интеллигентно и со вкусом. Учёный человек, он и есть учёный!

Но вдруг вся свалка зашевелилась. Это многих разбудили запахи от походной кухни. Местная кухарка Маргарита, по кличке "АвтоРИТАрная", наварила каши с тушёной...

В приличной стране утро начинается с гимна и подъёма государственного флага. Здесь же флаг служил средством экстренной связи и вызваний о помощи. Как раз в этот момент два мужика "звероватого" вида, написали на полотнище и быстро-быстро запустили на флагшток мольбу: "ДАЙТЕ ОПОХМЕЛИТЬСЯ!!!" На зов пришли миссионеры американской церкви "Сотрудничество – Христа ради!" и стали разучивать с бомжами песню ансамбля "10^{cc}": "I,mNotinlove". Всем кто подвывал, монахи разливали по стакану виски.

Большинство обитателей свалки выли за спиртное, а Ивана приманил запах еды. Стряпуха с удовольствием стала кормить голодного.

– У вас прямо не рот, а ротор! А эти? – АвтоРИТАрная с презрением махнула на алкоголиков. – Раньше консьоме из крыс ели! А теперь? Это им слишком солоно! Это чересчур сладко! Ешь, дорогой, приятно смотреть, когда мужик много ест!

– Мужик потом "отработает"! – захихикала АвтоРИТАрная.

Иван так тяжело вздохнул, что женщина спросила:

– У вас проблемы с сексом?

– Нет проблем! Такая стадия, что и проблем уже нет!

– Ах, ты, родимый! Значит, скопец тебе пришел! Но, ничего, с моей еды всё заработает!

Опохмелившиеся "свободовцы" вяло потянулись к походной кухне. Есть им не хотелось. Но брюхо надо было набить, чтоб хватило сил отработать день. Очередной бесконечный день унылого труда, без радости-выпивки. И одно только поддерживало их:

– Но, уж, вечером нажру-у-у-у-ся-я-я-я-я!!!

Сократ говорил:

– Можно есть, чтобы жить; или жить, чтобы есть!

А на "Свободе" большинство жило, чтобы пить! С пиететом относились к питию. И питие давно стало обыденным и каждоВечерним. Как говорится, перипетии судьбы давно стали "перепитиями". Но душа требовала праздника. Такого повода, за который было бы не стыдно, что нажрался без повода! Главным подобным поводом служило появление нового обитателя свалки. Тем более что в такой день разрешалось и не работать. Это тоже выбили в классовой борьбе! Вот и представьте, с какой радостью заметили Ивана!

Встреча новенького!

Первый, кто подошёл к каше, закричал новенькому:

– Пить будешь?

– Буду! – так же радостно ответил Иван.

– Тогда пошли в БУДУар!

Ивана потащили в барак, который в таких случаях служил банкетным залом. По дороге радостная толпа разрасталась и самоопределялась. Одни бомжи побежали в магазин "НеВинный" за продуктами. А большинство побежало в магазин "Беспорочный", хозяевами которого были бандиты Бес и Порочный, за спиртным.

Не прошло и полчаса, как на столе выкристаллизовалась водка "Кристалл"; "закусили удила", в нетерпении, закуски... Можно было, и набрасываться на это богатство, но все чего-то или кого-то ждали. Между делом, народ набросился на виновато пошатывающегося мужика:

– Поразительный паразит! Разит от него очень выразительно! Аж, завидно! Опять бутылку не донес! Недоносок! Сознawайся, вылакал? Ах ты, шакал!

Наконец, в барак важно ввалился толстяк. Отдышался и представился: "Важнецкий! Руководитель артели". За ним в барак вошли еще несколько мужиков со значительным выражением на харях. Важнецкий их представил:

– Это мои заместители. Замполлитр – зам по выпивке. Замухрышка и ЗамВшелый – замы по антисанитарии. Заматерелый – следит за руганью и "моралью строгой". Замогильный – заведует болезнями и похоронами. Заморыш – отвечает за воспитание детей. Занюханный – борется с наркоманией.

Наконец, Важнецкий показал на непочатые бутылки и радушно сказал Ивану:

– Работы непочатый край! Это наша водчина! Впивайся в наш коллектив!

Мгновенно все выпили "зажигательной смеси", и праздник разгорелся! Уклонистов на "Свободе" не было. И, постепенно, подходили всё новые и новые артельщики.

Вот в барак пришла семья: Амбал, Амба и дочка их Амбразура, этакая импозадная девушка. "Лечь на Амбразуру!" – из-за её любвеобильности, перестало быть героическим подвигом. Зокобелили девку совсем. Зайдя в барак, мать с отцом сразу "впились" в водку, а Амбразура пошла по рукам и прочим частям тела весёлых собутыльников.

Затем в барак втащились два мужика. Один нетвёрдо, но стоял на ногах, и держал на поводке, перемещающегося на четвереньках товарища.

– Балдахин! – представил себя стоящий. – Всесторонне недоразвитая личность! Абсолютно ничего не умею, не знаю, не могу и не хочу!

– А на поводке кто? – уточнил Иван.

– Да это ж мой одноКАшник! Я с ним в яслях на одном горшке сидел! Раньше были "не выездные", а этот сам выйти со свалки не может, всегда в "мертву нажрат"! И нести его тяжело. Вот и зовём – "Невыносимый"! Мой четвероногий друг!

С ними Иван тоже засадил стакан.

Затем к Обезьянинову подсел явно молодящийся мужчина в яркой рубаше. Грязноватую шею он прикрывал цветастым галстуком, а на его пальцах сверкали неподдельной бронзой "золотые" перстни. Мужик представился, со значением:

– Буриданов, жених!

Выпили за знакомство и Буриданов рассказал о своей трагической жизни.

Он никак не мог выбрать одну из двух невест. И поэтому жил с обеими. Да ещё и с третьей, нора которой располагалась на середине пути к основным невестам. Иван искренне пожалел мученика и выпил:

– Чтоб ты, наконец, выбрал!

Буриданов от водки повеселел и бросился в гущу женщин. Видимо, выбирать.

А Обезьянинова затуманенный взгляд уперся в сидящего напротив мужчину. Тот представился:

– Рейсфедер – бывший конструктор!

Выпили и "конструктор" с ожесточением заговорил о давно наболевшем:

– Представляешь! Каждый год приходит приказ: точку в обозначении даты указывают ставить то впереди, то позади цифр. И все год живут на этом: бумагу выпускают, печатают листы изменений в документах, производят эти изменения... Вот тебе цена перестановки точки!

В голове Ивана голоса и изображения начали "плыть", покачиваясь. Из угла, где сидели женщины, волнами накатывали обрывки разговоров: "...И Татьяну, и приплод явно бросил,

обормот!"... "Ладно бы мужик стоящий был. А то, так, при мне приПиска!"... "Оскорбил, паразит! У меня, говорит, к тебе либидо!", "Дура! Чего обиделась, он же тебя трахнуть хотел!"... "Выписал мне поздравления на снегу! А писал то он в тридцатиградусный мороз. Вот и отморозил то, чем писал. Зачем он мне такой? Но воспоминание красивое осталось!"... "А он меня гладил, гладил... Шептал ласково: "Неизгладимая ты моя!" Прямо гладиатор!", "А вот у меня "неглиже" был! Совсем не гладил! Но, правда, неизменный был! Совсем не изменял! И несравненный был – не с кем было сравнивать..."... "Я мужа зову Злыдень. Он у меня злободневный, а ночью, наоборот, добрый! Игристый, как вино! Аж в голову шибает! Как шибанет, бывает, в голову кулаком!!!"... "У неё был низкопоклонник! Любовник низкого роста по фамилии Мало-Мальский. И на кой он ей такой нагой? Хоть надлежащий, хоть подлежащий!"... "А мой словоохотливый!", "А это как?", "Ему только на словах: "Охота!" Но меня удовлетворяет даже словами! Словоблуд!!!"... "Ой, Мань, это был не просто "трах"! А "трах-тарарах-тах-тах-тарарахтах!"

Среди пирующих сновали дети, доедая и допивая после взрослых. "Цветы жизни" на "Свободе" были дикорастущие. И если их и пересаживали, то только по тюрьмам. Глядя на ребят, Обезьянинов вспомнил своих пацанов. Важнецкий заметил слезу умиления у Ивана и рассказал:

– Мы наших пострелят не стреляем, а лелеем! Как-то пришёл к нам один Гога-ПедаГога. ДемаГогию развел: "Я детей ваших пестовать буду!" Пестун! Устроил с детьми педаГогию с уклоном в "голубеводство", извращенец проклятый! До этого все были моноПОлисты. Но прошла неделя и наша стоянка "заголубела". Но мы вычистили эти АвГЕЕвы конюшни! Этот эпизод, эта эПОпея в нашей истории завершилась! И вольнооПущенных теперь нет.

Выпили за детей. Важнецкий остановил одного пацана:

– Только этот из всех "шкодит" – ходит в школу. Учится самоотверженно, но часто колы получает. Поэтому его так и прозвали – Частокол. А ну, отвечай! Сколько будет дважды два?

Частокол профыркал беззубым ртом:

– Чефыре!

– Гений! Чистый гений! Ну, не совсем чистый! Но, гений! Он у нас "зимородок" – зимой родился. А вон того чёрненького зовём Инородный. Он от африканца ...

На пороге барака вдруг возник старец с белой бородой и клюкой. Он оглядел гневно застолье и возвестил:

– Ибо – иго! И, притом, притон!

Иван, аж, подскочил от дикого крика. Но собутыльники, видимо, привыкли к подобным выходкам старика-обличителя и весело пригласили:

– Докучный, иди до кучи!

Заходя, старец столкнулся с мужиком в тельняшке. Это "выгребал" из барака бывший боцман Черноморского флота. Боцмана звали Ватерпас из-за его отказов:

– Вода? Я пас!

Ватерпас только что простился с честной компанией:

– Братцы-сестрецы! Я пошёл "кемарить"! Напился под самую ватерлинию!

Старец грозно спросил Ватерпаса:

– Опять к бутылке припал? Припадочный! Как звать?

– Боцман Ватерпас! – икнул бывший моряк.

Старик уточнил:

– Боцман – это фамилия?

– В рыло дам! – устало пробулькал боцман.

– Наш! Иди.

И старец стал вопрошать следующего:

– Как фамилия?

"Посланный" всеми, белобородый пошёл по свалке и ещё долго слышался трубный рык:
#Ибо – иго-о-о!!!

Но этот эпизод не нарушил разгульного кавардака: все пили-ели, и одновременно беседовали, спорили, ругались и целовались. Иван судорожно пытался удержать взгляд на мужичке, который кричал ему в ухо:

– Я, Бабах – рок-сингер и композитор! Тра-ру-ра-ру-ра! Тра-ру-ра-ру! Узнал мелодию? Это я пять лет назад эту песню напел! А её до сих пор по стадионам крутят, и десятый человек рот под неё раскрывает!

И в это же время в другое ухо Ивана кричал другой собутыльник:

– Фамилие моё – Натужный! Всю жисьть копил на машину. Тащил, тащил в дом! Истоцился, прямь, весь! Наконец, купил!!! Как зеницу ока "Оку" берег! Но украли, волки! На третий день укра-ли-и-и-и!

Натужный зарыдал так тяжело, что Обезьянинова проняло:

– Не тужи! Давай "хрюкнем" по стакану и забудем!

Они стали пить на брудершафт. А Бабах обиделся на невнимание Ивана и в сердцах сказал:

– Да вы еще преЛюдии!

Он пересел к другому застольнику, бабахнул с ним водки и через минуту от них разнеслось:

– Тра-ру-ра-ру-ра! Тра-ру-ра-ру...

Загулявшие души потянуло на простор! Люди разошлись по компаниям и разожгли костры в специально отведённых местах. Пьянящий Иван ходил от группы к группе и слушал разговоры.

Около одного костра, Важнецкий рассказывал фильм, просмотренный на заре туманной молодости:

–И Рэмбо крикнул во всё Сталлонье горло: "Всех замочу!!!"

Замухрышка и ЗамВшелый собрали детей вокруг своего костра и пугали их "гиГИеной огненной":

– Соплежуи! Запомните! Чистота – враг здоровья"свободного" человека! Наша сила в симбиозе: бациллы, бактерии, миазмы и мы!

Заморыш собрал другую компанию ребят и воспитывал:

–Урки! Самообольщение и самообладание – это извращения. Не делайте этого!

Иван потащился к следующему костру. По дороге нечаянно наткнулся на пару. Женщина шипела на партнера:

– Что это за недомогание? Домогайся!

Обезьянинов, чтобы не мешать, шарахнулся в сторону, но снова наткнулся на пару. Женщина колотила пьяного мужика и визжала:

–Контр...блин...ибуцию от меня требует! Потр...гад...ебитель! Тебе – это разВлечение! А мне потом много раз ёкнется!

Иван осторожно обошёл и этих. Мимо какой-то волокита волок волоокую красавицу к себе в нору. Но, тихо и интеллигентно, никому не мешая.

Тем временем, водка крепчала и валила людей с ног. "Валежник" не собирали, и все валялись там, где упали. И у Ивана начались провалы в памяти: он падал; терял самосознание; снова вставал и где-то бродил, что-то делал и говорил... Наконец, Обезьянинов добрался до последнего в этот вечер костра. Ему налили немного. Он возмутился:

–Что ты мне монограмму налил? Лей стакан!

Стакан "на посошок" довёл Ивана до шока, и он тоже свалился там, где выпил лишнее...

Утро туманное! Утро похмельное...

Глаза пропустили щепотку, едкого как соль, света. Уши пропустили звуки песни и воя. Сознание среагировало: "Эх, как вспомню диктатуру рабочих и крестьян. Молотом бы певунам по "помидорам"! А потом серпом! Серпом!!!" Всплеск злых эмоций встряхнул павшего. И Обезьянинов проснулся всекружительно пьяным. Небо и земля, живот и голова завращались с убыстряющейся скоростью! От этой круговерти стало так муторно, что Иван испугался: "Смерть моя пришла? А может, пронесёт?" Пронесло!!! И стало немного легче.

Иван огляделся. Многие вчерашние собутыльники толпились вокруг монахов и выли, не сводя взгляда от заморских бутылок. Недалеко сидела "Непобедимая когорта", в человек пять, и пила "Кагор" с вечера и до сих пор. Один из этих "железных" мужиков закричал:

– Опохмеляться будешь?

– Буду! – угрюмо пробасил, хмурый с "похмуры" Обезьянинов.

– Ну, это по-нашему! Завсегда: "Буду!" Прими стакан!

Иван поинтересовался из вежливости:

– А кто угощает?

Ему ответили:

– Вино виновник торжества принес. Ба! Да это ты и бегал вчера через забор!

Обезьянинов и умыслить не мог, откуда он ночью притащил вино! Но поблагодарил сам себя и выпил. Стало задушевно. Хмурое и мёртвое утро вдруг ожило и радостно заулыбалось ярким солнышком.

Видимо поправили своё здоровье и все остальные. По свалке разнеслись: смех, радостные взвизги, песни. В такой развесёлой атмосфере неуместно и неудобно звучало нытьё Важнецкого:

– Ребятюшки! Повеселились и будя! Пора и за работу!

Но никто его не слушал, все уже занялись дутьём мочалистого пива. На "старых дрожжах" головушки пивунов враз "поехали". И началось, как будто и не заканчивалось с вечера, веселье! Танцы, песни, поцелуи и ... И драки!

Извечные вопросы: "Пить или не пить?" и "Бить или не бить?" Первый вопрос на "Свободе" и не стоял. А вот, когда напивались до мерцаний, второй вопрос обострялся конкретно: "Кого бить?" И били того, кто под руку подвернётся!

Это народное развлечение и сегодня позабавило, пока не устали руки. Все остановились, чтобы перекурить и слышали молодецкое уханье и вопли женщины. Это мужик по кличке Крокодил Гена "генАцид" жене опять устроил! Повалил одним ударом, да и давай выкаблучивать на ней! Бомжихи вознегодовали:

– Это даже не издевательство над девой. Это уже издёвка над девкой!!!

Вдесятером "танцора" скрутили, женщину подняли. И стали, с помощью водки, мирить супругов. Сил, ради благого дела, не жалели. И "мирили" стаканами, стаканами, стаканами...

Важнецкий всё ещё пытался повернуть артель на рабочие рельсы. Он пил с каждым, произнося хитрый тост:

– Ну, по последней, и за работу!

Но "по последней" растянулось "как всегда". И всё закончилось "как всегда"...

Битва!

Иван на следующее утро проснулся от громких призывов:

– Господин-товарищ-руководитель! Проснитесь!!!

Это рядом будили Важнецкого, который невзирая на лица, валялся пьяный мордой вниз. Валялся в немыслимом состоянии. Совсем ничего не мыслил и не соображал. Но его всё же привели в чувства и доложили:

– Приворотный сторож, дед Авоська, донос отнес милиционерам! Доложил, поганец, что артель гуляет и не работает! Сейчас приедут бандиты!

Только-только Важнецкий успел совершить утренний туалет (прополоскал зубы и внутренности спиртом), как приехала Бандура с бандитами.

Вождь ТрубаДур воцарился бандитку Бандуру и поэтому сделал её своим заместителем. Характер у Бандуры был крепкий, и она легко выполняла приказ вождя:

– Чтоб всё мне хорошо было!

Бандиты согнали всех артельщиков в кучу. Бандура спокойным, но страшным голосом огласила указ ТрубаДура:

– Всем, кто провёл вчера день в пьяном бреду, поставим "Бредень" и вечером не дадим "наркомовскую бутылку"!

Зря это она про бутылку сказала! У артельщиков, которые мечтали дотянуть до вечера и погасить законной водкой пожар души и желудка, помутились останки разума! Бандуру и её телохранителей спасло то, что жить очень хотели! Не догнали их артельщики! А камни и палки попали уже в ворота, захлопнувшиеся за бандитами.

Наступила тревожная пауза. Важнецкий дал указание деду Авоське:

– Мы будем готовиться к встрече "гостей". А ты, продажная душа, встань в караул и кричи, еж ли ползут!

– А что кричать?

– Так и кричи: "Караул!"

Дед-предатель осторожно подошёл к воротам, надеясь сразу сдать. Но его встретили с помпой... и окатили водой. Авоська убежал, и тогда вперед послали "заговорщиков". "Заговорить зубы". Но милиционеры и "внешние управляющие" дали им по зубам.

– Сатрап! – негодовал там Профессор. – Я требую сатисфакции!

Бандит зевнул:

– Требуешь? Так, "фак" тебя!

И вдарил ему в ухо.

Важнецкий, видя, что его подчиненных бьют, заорал:

– Знамя развёрнутое вперёд!

Увы, знамя было не знамо где! Но древко от знамени нашли. Да и не одно! У бедноты колья нет – одно дреколье! Вот и схватились все за колы! И такая, блин, "коллизия" началась...

Важнецкий повёл толпу на ненавистную преграду и кричал:

– На штурм Бастилии!

Ворота разлетелись в миг! И артельщики бросились на милиционеров и бандитов. Амбал втемаяшил врагу в темя, и закричал страшным голосом:

– Рассучись, жена!

Рассучились все, и пошло-поехало! Воздух вмиг загустел от шума ударов, мата и диких криков: "Выволочь, сволочь!"; "А, извергнулся, изверг!"; "Мне" витраж "разбили!"; "Похерю-ю-ю!!!"

Среди артельщиков выделялись богатыри: Иван Валун валом валил врагов, а Семен Волнолом залом устроил своим ломом. Все прочие бомжи просто колобродили с колами... Через полчаса к "внешним" подошло подкрепление. Милиционеры окружили свалку серым орнаментом. Затем менты достали свой инструМЕНТарий и влились в общую свалку на свалке. "Свободовцев" начали теснить... В самый разгар побоища вдруг раздался дикий визг:

– Вычленили!

Звонкоголосо кричал некто, кому всё внизу оборвали. Эфиоп Наиб обнял "оборванца" и закричал:

– Да что же мы делаем то? Аль, мы все не русские?

Все застыли как гробом поражённые! Затем волнения волнообразно разошлись по толпе. Бывшие враги и изверги, ломом ломанные, взгляделись друг в друга. И началось братание и "сестрение"! Нацеловались-наобнимались и пошли общей гурьбой наперебой на "водкопой". По пути в барак, у монахов реквизировали все запасы спиртного. Дружно разлили. Важнецкий поднял тост:

– Долой закулисные интриги! За вечную дружбу меча и орала!

Пили все. Даже верноподданные ТрубаДура быстро превратились в "верноподдатых". Русский стакан всех объединил и сблизил...

Вечером артельщики провожали незваных, но ставших родными, гостей до ворот.

– Захаживайте-посиживайте, дорогие ментики и бандитики!

– Но вы уж завтра, прямь с утреца, за работу!

– Вот те крест! Что мы, не люди, что ли! Понимаем!

Менты уехали в свои апартаМенты. А Бандура увезла своих на доклад к вождю.

«Свободовцы» оглядели поле битвы. Все было разбито вдребезги, а посему не видно ни зги! Позвали Просветителя – местного электрика. Мужик, к которому все обращались уважительно – "Ваша светлость", быстро вкрутил лампочки. При свете все осмотрелись, замазали телесные и душевные раны спиртом и завалились спать.

Утро трудового дня

Утро выдалось обычное, трудовое. Бандит Западло, диплоМатический представитель ТрубаДура, с утра облял Важнецкого матом. Тот – заместителей. Заместители – десятников. Десятники послали на ... работу всех остальных.

Так как все было выпито вчера окончательно и бесповоротно, народ мучительно подтягивался к АвтоРИТАрной.

– Я головой стучать об рельс не буду! Захотят жрать, сами придут! – шумела кухарка, но кормила всех пресноводным завтраком.

– Нас манной кашей не заманишь! – вяло поругивались бомжи.

Но сегодня ХромоСома, хромая рыбацка, принесла рыбу. И уха распространяла такое благоухание, что даже Бабах пришел на запах. Едун-композитор поинтересовался:

– Что это за вариацию сварили сегодня?

Конечно, "мясо-водочный" завтрак прошёл бы веселее и быстрее. А этот, сугубо рыбный, затянулся. И дождались...

Бабах шепнул Обезьянинову:

– Крыша поехала!

Иван посочувствовал:

– Плохо тебе стало?

– Нет! Вон, наш вождь на "Мерседесе" приехал!

Из огромной машины вышел невзрачный с виду мужчинка. Но что-то всё же вызвало в ТрубаДуре уважение и трепет. То ли Бандура с пистолетом, стоящая рядом, то ли несколько бандитов с автоматами, за его спиной. Вождь неторопливо рассматривал, вставших на вытяжку, артельщиков, а затем сказал огорчённо:

– Можно ли, с такими, моё светлое будущее построить? Трудно! Очень трудно, но постарайтесь! Очень постарайтесь! На неделю устанавливаю "ДесПотию"! Работу до десятого пота!

И, уже садясь в лимузин, ТрубаДур бросил в массы лозунг:

– Работать мощно! Денно и ночью!!!

«Свободовцы" бросились по своим рабочим местам...

Источники дохода артели "Свобода"

Как вы уже знаете, работники артели делились на касты. А касты еще подразделялись на специальности по методу добычи утиля.

"Карьеристы" – работали в карьере. Шахтеры-проходчики, так называемые "проходимцы", выгребали всё ценное из глубоких шахт. "Шаромыги" – шарили вилами по поверхности свалки.

Труд у всех был тяжёлый и не интересный. Как-то "проходимцы", наткнулись на стоянку древних обитателей свалки – утильонцев. Шахтёры обрадовались развлечению. Но ничего интересного не нашли: те же бутылки и шприцы!

Артель была движущей силой круговорота утиля в природе. Инвесторы свозили на свалку мусор. Бомжи его сортировали и все ценное "утилизировалось". С течением времени как-то позабылось, что собой представляли находимые в мусоре механизмы и устройства. Теперь все это представляло собой просто металл, который сразу отправляли куда-то из Утильска. Единственным узанным приспособлением был вертолёт. С вертолётom произошёл недолёт. Из-за его старости и ветхости. Вертолёт грохнулся на свалку сравнительно недавно, лётчик выжил и остался на свалке бомжем по кличке Вертопрах!

Кроме утиля были ещё доходные промыслы. Например, свалка бродила, как чан с брагой, и бомжи улавливали в детские шарики выделяющий газ метан. Его тоже отправляли из города на химические заводы.

Большим спросом пользовался за рубежом "Детородный шампунь". Сырьё для него поставляли местные мужики. Да так старались, что девять из десяти женщин, применявших шампунь, рожали!!! А десятая? А это дура, не туда лила!

Огромным и неослабевающим спросом пользовались одурманивающие смеси. Где-то на таинственной окраине свалки находился чудесный источник спиртопахнущей жидкости. Источником владело племя питекантропов, одичавших и спившихся окончательно бомжей. Они никого не подпускали даже близко к своим владениям. А спиртопахнущая жидкость появлялась на "Свободе" путем обмена. Артельщики выставляли на ночь за стоянку пустые канистры, продукты, одежду... Все это исчезало, а утром канистры появлялись вновь, но уже полные. Священную жидкость разбавляли наполовину водой, разливали по бутылкам и продавали городским алкоголикам. И хотя на "пузырях", согласно требованиям врачей, было написано "Морилка" и "НарОжное", принимали все эту смесь вовнутрь!

Только тех, кто любит труд, на "Свободу" позовут!

Итак, все бросились оправдывать доверие вождя. С энтузиазмом строить его светлое будущее!

Так как Иван ничего не умел, его определили на самую простую работу. "Шаромыгой" в пару к Портупею, бывшему военному. Не успели они ещё и вилы взять, как прибежал десятник РудиМент, бывший милиционер. Начальник заорал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.